

Сенсация
Рунета,
завоевавшая
любовь
десятков тысяч
читателей
.....

Елена Филон

ТОЛЬКО играй

● музыкальный роман

Посвящается новому поколению,
рожденному, чтобы найти
свою любовь

Елена Филон
Только играй
Серия «Поколение Love»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22508138
Только играй: АСТ; М., 2016
ISBN 978-5-17-098723-8

Аннотация

У Лексы Вудвилл было всё, начиная от полноценной семьи и заканчивая гардеробной, набитой шмотками из последних коллекций модных брендов. Красавчик парень, готовый упасть на одно колено и сделать предложение. А ещё жених, которого выбрали для неё родители, и мнение Лексы на этот счёт никого не интересует; как и её мечта – стоять на большой сцене и дарить публике свою музыку. Этой мечте вряд ли суждено сбыться, потому что дочь сенатора штата с гитарой в руках, исполняющая панк-рок, как минимум не подходит его статусу. Но постойте... кто сказал, что обязательно нужно быть собой? Да и не выбрасывать же пригласительный на первый отборочный тур в шоу «Только играй»?.. И к тому же всемирно известной рок-группе Far-between нужен парень-гитарист... Чего не сделаешь ради мечты? Даже если и планы на это шоу исключительно корыстные. И даже если на время придётся сменить пол!

Содержание

Благодарность от автора	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	36
Глава 4	54
Глава 5	72
Глава 6	80
Глава 7	96
Глава 8	109
Глава 9	123
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Елена Филон

Только играй

© Филон Е. С.

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Благодарность от автора

Амелия Джонге! Без тебя моему вдохновению пришлось бы очень трудно. Спасибо за поддержку и отзывчивость!

*«Порой я думаю, что у всей земли проблемы,
И порой мне кажется, что никто не хочет их
решать.*

*Люди говорят – нам никогда не справиться,
Но я-то знаю, что мы сможем всё преодолеть!»¹*

*Посвящается мечте каждого из вас.
Пусть мечты сбываются!*

¹ Гр. Simple Plan «Take my hand», слова. – Здесь и далее перевод Елены Филон.

Пролог

Как там было?.. Красное – красное. Не алое, не пунцовое, не рубиновое.

Снег – белый и холодный. Не волшебный, не сказочный, не пушистый.

Запахи, вкусы, ощущения...

(© Тейт Миллер «Только слушай»)

Стоп.

У красного, между прочим, куча оттенков. В палитре Пантон, например, целых сто штук! И только мужики способны назвать их всех... *красными*. Это так, небольшая справка.

А снег так это вообще отдельная тема... Он ещё и мокрым может быть, липким и противным, а что касается цвета, так с точки зрения науки снег не может быть белым.

Ведь он состоит из многочисленных снежинок, а они, в свою очередь, состоят из льда. А лёд у нас какой? Верно – прозрачный. Снежинка пропускает, а не отражает солнечные лучи. Поэтому снег на самом деле не может быть белым.

Стоп. Зачем я вообще всё это рассказываю? Сейчас решите, что я зануда...

Помните звук зажёванной плёнки в старых магнитолах? Или звук резкого торможения шин тоже сгодится. Так вот. Представьте, что только что его услышали.

И начнём сначала.

Глава 1

«Лос-Анджелес утопает в лучах жаркого летнего солнца! Дороги плавятся, пляжи переполнены, а милую головку нашей неугомонной ведущей MTV Анемоны явно напекло, потому как вместо посещения главного события – да чего уж там, МИРОВОГО МАСШТАБА – этого лета она улетела на Гавайи в свой заслуженный отпуск. Да-да! Так что ваш покорный слуга Рики Флап с удовольствием воспользовался приглашением на свадьбу одной из самых шумевших пар в музыкальной индустрии за последние несколько лет и отснял свой собственный репортаж!

О, да! Тейт Миллер – мегапопулярная талантливая рок-исполнительница, известная своими умопомрачительными хитами не только в США, но и в Азии, выглядела сногшибательно! Неудивительно, что эта целеустремлённая девушка смогла заполучить себе в женихи идола миллионов, да и просто красавчика... Визжите и падайте, фанатки Шейна! Теперь вы – официальные неудачницы. Шучу-шучу, будет мне...

Что ж, не отходя от темы... Тейт Миллер, как всегда, поразила нас своей оригинальностью! Невеста отказалась надевать классическое свадебное платье, какое, по нашим достоверным источникам, подобрали для неё лучшие стилисты Голливуда, и предстала перед гостями в укороченном

платье с пышной юбкой нежно-лилового цвета! Тейт Миллер верна себе, дамы и господа! А её уже округлившийся животик, который будущая мама, с её же слов, и не думала скрывать, стал особой изюминкой в бунтарском образе! А что уж говорить о её кедах...

Впрочем, не сказал бы, что Шейн Бенсон – бывший фронтмен нашумевшей рок-группы Far-between, а ныне известный композитор, не соответствовал образу невесты. Я пытался сосчитать дыры на его джинсах, но, к сожалению, проинформировать вас об их количестве так и не смогу!

Пожелаем счастья и безграничной любви нашим любимцам и будущим знаменитым родителям! А пока делаем ставки, дамы и господа, на то, в кого же из двоих строптивцев пойдёт их первенец!»

– Может, выключишь уже телевизор? – Я упёрла руки в бока и оторвала взгляд от зеркала. – Это запись. Ты это уже сто раз смотрела.

– О, нет, Лекса, только не сейчас... сейчас покажут Шейна! Смотри-смотри!!! – Громкий визг моей младшей сестры разорвал дом похлеще всякой стереосистемы! Она выволокла из-под МОЕГО одеяла сиреневый парик, нацепила на голову и принялась избивать ногами матрас МОЕЙ кровати, подпрыгивая до самого потолка. – Сейчас умру-у-у! Ше-е-ейн...

– Мама убьёт тебя раньше, если хотя бы один волосок вы-

падет из твоей причёски! Так что выключай телевизор и выметайся из моей комнаты! – прорычала я.

Знакомьтесь – Хизер. Моя двенадцатилетняя сестра. Сущий дьяволёнок во плоти. Неуправляемый подросток. Ненормальная фанатка Шейна. Любительница посквернословить втихушку. А также Мисс Мой-рот-вам-не-заткнуть-даже-не-пытаться!

Хизер ударила по пульту, и в комнате наконец стало тихо. Всего на секунду.

– Отличный прикид! Бабуля бы заценила, – манерно оттопырив верхнюю губу, Хизер скользила по мне придиричивым взглядом и медленно кивала.

– Твои скептические замечания совсем НЕ кстати.

– Розовый кардиган тоже ничего...

– Это персиковый. Персиковый кардиган, – с расстановкой заметила я и взглянула на наручные часы на изящном серебряном браслете – половина четвёртого. Ни за что не успею.

– Девочки, у вас всё в порядке? Что это был за крик?

– Всё в порядке, Салли, – отозвалась я на зов домработницы, – всего-то у Хизер очередной Шейно-припадок случился.

– А... ну, значит, всё хорошо, – рассмеялась женщина. – Спускайтесь. Миссис Вудвилл ожидает в гостиной. Скоро подадут машину.

– Шейно-припадок? – сузила свои огромные злобные гла-

зёнки Хизер. – Это ещё что?

– Это то, что периодически с тобой случается и напрочь отключает твой детский мозг, – натянуто улыбнулась я, разглаживая руками белую юбку-карандаш.

– Отвратительно, – прокомментировала мои действия Хизер.

– Спасибо. А ты, я смотрю, теперь рюши любишь? – кивнула я на её голубую блузку и влезла в бежевые туфли-лодочки из последней коллекции Джимми Чу, подобрала со столика клатч от не менее известного бренда и направилась к двери.

Но Хизер не двигалась с места, и по её новому-старому выражению лица я знала – разговор не закончен.

С трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза, и терпеливо вздохнула:

– Что ещё, Хизер?

– Я видела, Лекса.

– Что ты видела?

– Ты знаешь, что я видела! Мусорный пакет, в который ты вчера собрала все плакаты, диски и даже фото с автографом Тейт! На какую помойку его отвезли, а? И где твоя гитара? Её тоже выкинула?! – Хизер прыгнула с кровати и глядела на меня с презрением. – Ты избавилась от всего, чем дорожила!

Ну вот... теперь мои глаза сами возвелись к потолку:

– Какая тебе разница до моих вещей? Они мне надоели,

вот я от них и избавилась. В чём дело-то?

– В чём дело?! А в том, что раньше ты была нормальной! А теперь... – Хизер окинула меня брезгливым взглядом. – А теперь ты не похожа на мою сестру! Теперь ты – отстой, Лекса! Родители заменили тебя на другого человека! Подмяли под себя! И мне... мне стыдно за тебя!

Я с трудом сдержала смех:

– Не пытайся казаться взрослой, потому что ты – не взрослая.

– Она ведь нравилась тебе! – воскликнула Хизер и швырнула в меня сиреневый парик.

– Кто?

– Тейт! Кто!

– Она... она и сейчас мне нравится, – я пожала плечами и бросила парик в шкаф. – Просто... просто всё меняется. Повзрослеешь – поймёшь. Пойдём, нам пора.

Миссис Вудвилл, как всегда, была при параде.

В смысле – а теперь позвольте представить вам мою маму. Волосы пшеничного цвета аккуратно собраны в высокую причёску, строгий парадный костюм с юбкой светлого оттенка. Сдержанный макияж, ну и... без бриллиантовых серёжек в этот раз не обошлось. Она никуда их не надевает, если только не перед кем покрасоваться. А сегодня такая кандидатура как раз нарисовалась.

– Александра! Девочка моя! – мама подлетела ко мне. – Ну-ка, дай я на тебя посмотрю. Покрутись. Прелестно! Вос-

хитительно! Этот наряд отлично подчёркивает твою точёную фигурку. А блузка превосходно сочетается с цветом глаз...

– Да-да, знаю, – кивнула я и меланхолично изрекла: – Мои глаза прекрасны и невинны, как утреннее небо, а золотистые локоны, что так естественно выются, хотя завивали мне их с самого утра, прелестно обрамляют моё милое ангельское личико.

Хизер засунула два пальца в рот и сделала вид, что её тошнит.

Мама, не поняв сарказма, воодушевлённо улыбнулась и застегнула мне верхнюю пуговицу на кардигане.

– Александра... Эван обязательно высоко оценит то, как чудесно выглядит его невеста.

– Лекса не его невеста! – вставила Хизер, рисуя маркером череп на своём запястье. – И не дай бог.

– Да-да... – Я взглянула на часы. – Может, пойдём уже?

– Ужин в пять. Сперва заедем за подарком Эвану, – отозвалась мама, отбирая у Хизер маркер. – Отец присоединится к нам позже. Машину сейчас подадут.

– Что?! – Я так резко выпрямила спину, точно в голове больно ударили в гонг и щедро потянули за позвоночник.

– У отца много работы, милая, ты же знаешь. Выборы на носу.

– Я не об этом! – перебила я, с трудом сдерживая возмущение. – Что значит – ужин в пять? Почему на час позже?!

Мама натянуто улыбнулась и наконец выиграла сражение

с младшей дочерью – отобрала у неё маркер.

– Александра, ты спешишь куда-то? – Голубые глаза моей матери подозрительно сузились, а значит, пора давать заднюю.

– О нет, что ты, – покладисто улыбнулась я в ответ. – Всё отлично. Поехали за подарком Эвану.

– Какие вы обе одинаковые! Б-р-р... аж жуть берёт! До тошноты! – проворчала Хизер и первая вылетела из дома, громко заорав на всю территорию нашего особняка: – МОЯ СЕСТРА ПОЛНЫЙ ОТСТОЙ! САМЫЙ ОТСТОЙНЫЙ ОТСТОЙ В МИРЕ!

– Хизер! Что это за слова?!

– Да-да... – кивнула я и зашагала следом. – Полный отстой.

* * *

17.05

Ресторан «Culina, Modern Italian».

Лос-Анджелес, Калифорния

– Ну и где этот жирдяй?!

– Хизер! – одёрнул мою сестру отец. – Не смей так говорить о сыне мистера Брауна!

Форест Вудвилл – ну а это мой папа. Выглядит так, точно сейчас носом в тарелку свалится, но при этом марку на

публике держит. Даже галстук ослабить не желает; затянул на самом горле удавку за пару сотен баксов так, словно ему это удовольствие доставляет.

Самоотверженный человек, надо сказать! А ещё он член конгресса США, представитель демократической партии и сенатор штата в придачу. Та ещё профессия, вам скажу. Особенно когда на носу выборы в верхнюю палату.

Отец провёл ладонью по волосам, проверяя укладку, и кивнул моей матери, вверяя ей немедленно разобраться с поведением младшей дочери, так как семейство Браунов только что перевалило через порог изысканного зала ресторана.

Эван Браун. Вот вообще нет желания вам его представлять.

Хизер права на его счёт – занудливый, самовлюблённый и необъятный. Эдакий маменькин сынок, выросший на лучшей выпечке французской кухни – его бабушка и дедушка живут в Париже. А оба родителя являются акционерами и входят в совет директоров крупной финансовой компании. И так, к слову, эта компания занимает седьмое место в рейтинге по версии Forbes. Большого я не знаю. Хотя мама каждый раз и пытается заставить меня вникнуть в суть всякой там *рыночной капитализации* и *суммарных активов*... Понятия не имею, что всё это значит. Зато знаю, что парень, которого спихивают мне в мужа, только что задел своей пятой точкой один из столиков и уронил на пол ведёрко с шампанским.

А я всё сижу и улыбаюсь, глядя на своё объёмное неповоротливое будущее.

– Привет, Ксандра, – пропыхтел Эван, краснея от нижней складки подбородка до кончиков лопоухих ушей. – Отлично выглядишь! Как всегда!

– Спасибо. Ты... ты тоже. Как всегда, – улыбнулась я, наигранно хлопая ресницами, споря с самой собой, насколько быстро в этот раз внимание моего жениха переключится на меня.

Да вот же оно! Коричневая папка с золотистыми буквами уже прикрыла его пухлую физиономию размером с футбольный мяч.

Я взглянула на часы. Времени совсем не осталось. И если не успею, то можно заказывать надгробную плиту. Без шуток.

– Ксандра, что ты будешь? – Карие глаза-жуки Эвана показались из-за меня.

– Почему ты зовёшь её «Ксандра»? – тут же отреагировала Хизер, произнеся моё и без того сокращённое имя самым отвратительным образом. – Она не любит, когда её так называют.

– Хизер! – зашипела на неё мама.

– Она моя невеста, – невозмутимо отозвался Эван, тряся щеками, как перекормленный питбуль, – как хочу, так и называю, мелкая.

«Ага, ещё языки друг другу покажите. Вы же на одном

уровне развития».

– Тогда почему бы тебе не называть её просто: «Мой единственный шанс в жизни»? Или: «Твоему мужу так повезёт. Жаль, что мне им не стать»? – предложила Хизер, невинно улыбаясь.

– Хизер! – громче зашипела мама. Она считает, что Эван для меня отличная партия, точнее для нашей семьи, а отец... ну, он, в общем, мы с ним не часто общаемся, так что в этих делах он полностью доверяет маме.

Почему меня так стремительно пытаются выдать замуж за богатого интеллигента, думаете вы? Подождите ещё немного. Скоро мы до этого доберёмся.

– Как насчёт начать... м-м... с карпаччо?

– Отлично, – кивнула я, натянуто улыбаясь Эвану.

И так каждый раз. Я уже знаю, что будет дальше: он закажет целый стол еды и будет пихать мне в рот по куску того, что ест сам. О да! И этот пухляк абсолютно уверен, что у нас с ним одинаковые вкусы! А значит, я идеально ему подхожу.

Вот и сейчас происходило то же самое... Сначала карпаччо, затем ещё с десяток различных закусок, после чего перешли к горячему...

– Филетто ди майале! – объявил название блюда Эван, протягивая мне на вилке кусок свиной вырезки. – Просто пальчики оближешь! Попробуй, Ксандра! У этого блюда божественный вкус!

Я чувствовала на себе взгляд отца. Он следит за мной.

Всегда следит. Потому что только полной идиотке может понравиться этот упырь, помешанный на еде! Наследник миллионов! Идеальная партия! Тьфу!

Эван потряс вилкой, и несколько капель соуса расплозлись по белоснежной скатерти.

– М-м? Ксандра, скорее! Пробуй!

– Что это за соус? – я смотрела на вилку.

– Медово-ореховый, – улыбнулся Эван, сверкнув куском салата в передних зубах.

Я одарила его тяжёлым взглядом и посильнее сжала челюсти, чтобы прямо сейчас не дать полную объективную характеристику этому олуху напротив.

– У Лексы аллергия на орехи, идиот! – пришла мне на помощь Хизер. – Она сто раз тебе говорила. Смерти её хочешь?

– Хизер! Это последнее предупреждение! – пригрозил отец тем тоном, против которого ни у кого нет шансов. Так что даже Хизер уткнулась носом в тарелку.

А я всё молчала, чувствуя, как шкала терпения подбирается до верхней отметки. Хотя никакого «взрыва» на сегодня точно не планировала.

Глубоко вздохнула и вновь взглянула на часы – без пятнадцати шесть.

«Ну здорово...»

– Куда-то спешишь? – с полным ртом свиных медальонов проямлил Эван.

– Эм... нет. Не ем после шести.

– А, это правильно, – закивал Эван и вдруг просиял: – Но у тебя ещё есть целых пятнадцать минут! Можно перейти к десертам! Официант!

О боже...

Тот момент, когда хочется шлёпнуть себя по лбу.

– Ксандра, попробуй вот это! – Новый кусок чего-то там появился на вилке Эвана, и вилка стремительно летела ко мне в рот. Пришлось прожевать. – А теперь вот это.

– Спасибо, Эван, но мне не хочется.

Глаза Эвана выпучились, как у огромной жабы:

– Нет! Это ризотто божественно! Ты должна его попробовать!

– Я правда не хочу, – с нажимом ответила я, всё ещё заставляя себя улыбаться.

– Попробуй хоть чуть-чуть, Ксандра!

– Нет, спасибо. – Сложила руки на коленях и с преувеличенным интересом оглядела зал, как вдруг вилка Эвана оказалась перед самым моим лицом, пухлые пальцы надавили на щёки и впихнули в мой приоткрывшийся рот ризотто.

Сбоку послышался свист Хизер. Моя мама нервно усмехнулась. Взгляд отца говорил: «Проглоти и скажи спасибо!» А чета Браунов с умилением глядела на сына.

Мистер Браун хлопнул отпрыска по плечу:

– Молодец, Эван. Настоящий мужик. Твоя женщина должна быть сыта и сильна, как самка гиппопотама! Тогда и потомство будет таким же.

Странно, но миссис Браун больше напоминает сушёного кальмара с рыжими кудряшками.

– Ага, – расплылся в ленивой улыбке Эван и накиннулся на тарелку с очередным блюдом с таким видом, будто голодал неделю.

Вот же животное.

– Давайте поговорим о свадьбе, – с деловитым видом заговорил «кальмар».

– Разумеется, – с энтузиазмом поддержала моя мама и подмигнула мне.

Хизер провела пальцем по горлу и вывалила язык, как умирающая от жажды псина, а затем кивнула на Эвана. Потому как тот уже вновь тянул к моему рту вилку с куском мяса. Но его вторая рука оказалась быстрее моей реакции: толстые, как сосиски, пальцы надавили мне на щёки, и вилка стремительно пошла на посадку.

– Не дёргайся, – улыбался Эван. – Тебе понравится. Это божественно!

– Вы только поглядите!

– Он так о ней заботится. Наш мальчик...

– Сейчас блевану.

– ХИЗЕР!

Ну всё. Я и так три недели вела себя, как послушная девочка. А это уже подвиг!

С силой отшвырнула от себя руку жирдяя, а из другойхватила вилку. Рывком поднялась на ноги, так что стул с гро-

хотом ударился о дорогую плитку на полу, и запустила эту самую вилку с этим самым куском мяса прямо в Эвана – та отскочила от него, как резиновый мячик.

Следующим в дело пошёл графин с водой, и под всеобщие «охи» его содержимое оказалась всё на том же дорогом костюме Эвана.

– Как насчёт ризотто, Эван?! – воскликнула я, безумно улыбаясь и выпучивая глаза. Эван отчаянно тряс головой и махал руками. – Вот тебе ризотто! Попробуй! Это божественно, Эван! БОЖЕСТВЕННО! – содержимое тарелки оказалось у него на брюках.

– А вот тебе ещё салатик сверху! Ну же, пробуй, Эван! Хотя бы чуть-чуть!

– Александра! Прекрати! – визжала мама.

Ну и пусть визжит дальше. Я тысячи раз говорила ей, что Эван мне не пара! И что Я НЕ МОГУ СТОЛЬКО ЕСТЬ!

– О, Эван! Смотри-ка, десерт принесли! – воодушевлённо воскликнула я и под звонкий смех моей сестры вытряхнула всё содержимое глубокой ёмкости с мороженым Эвану на голову. – Смотри, там даже орешки! Ты ведь не умрёшь от орешков, не то что я, правда, Эван? Попробуй, чего ждёшь?

Кальмар... простите, миссис Браун, уже летела к сыну с кучей салфеток. И так не вовремя, чтоб её... Пирог со взбитыми сливками угодил ей на грудь.

– Упс. Я потом заплачу за химчистку, – миленько улыбнулась ей, и в следующую секунду бурных военных действий

посреди зала элитного ресторана прогремел голос моего отца:

– АЛЕКСАНДРА ВУДВИЛЛ! НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИ ЭТОТ БЕСПРЕДЕЛ!

Я застыла с молочным коктейлем в вытянутой руке. Вроде бы с клубничным... м-м-м...

Грудь моего отца высоко вздымалась, привычно серое лицо покрывалось пунцовыми пятнами, а от идеальной причёски не осталось и следа. Хизер продолжала хихикать и втихую фотографировала на телефон практически рыдающего Эвана. Тот ныл, что мог всё это съесть, а я испортила его еду. Мистер Браун вытирал салфеткой костюм жены, а моя мама метала молнии глазами. Серьёзно. Это самый опасный взгляд на свете!

Чем занимались остальные благородные посетители ресторана? Разумеется, пялились на нас, чем ещё им заниматься?

Я сделала глоток коктейля через трубочку и облизала губы с самым невинным видом на свете.

– Александра! – отец убийственно смотрел на меня. – Иди за мной. Сейчас же!

Я взглянула на часы и раздосадованно вздохнула:

– Прости, пап. Давай в другой раз. У меня дела. – Повернулась к Эвану: – Держи. Это тебе бонус... – вылила коктейль ему на голову. – Вкус, м-м-м... закачаешься!

Подмигнула Хизер, подхватила свой клатч и рванула к вы-

ходу.

– АЛЕКСАНДРА! – гремел вдогонку отец. – Немедленно остановись! Немедленно!!!

И под звонкий смех моей младшей сестры в рассаднике снобов и просто людей с отсутствием чувства юмора я вылетела из зала ресторана.

Глава 2

– Воу-воу, полегче, чувак! – Какой-то индюк с бейджем преградил дорогу как раз в тот момент, когда мои дорогие туфли едва ли не организовали мне встречу с отполированным полом лобби ресторана. И не то чтобы я на каблуках не умею ходить – пол просто скользкий. Ага, именно так.

– Мисс Вудвилл, вам следует дожждаться отца, – заявил мужчинка с тонкими завитками усов. И двое качков в строгих костюмах, трещащих на бицепсах по швам, уже были на подходе.

Вот же... *nana*! Подстраховался на случай моей очередной выходки. Именно – очередной. Хизер – не самый большой ужас нашей семьи. Я во много раз хуже!

Теперь вы немного понимаете, почему меня так стремительно хотят выдать замуж за кого-то вроде Эвана? Потому что я: «Неуправляемая», «Строптивая», «С ужасным характером», «И вообще чёрт знает, в кого пошла! Точно не в мою родню», – цитаты мамы.

И закрадываются у меня мыслишки по поводу этой свиньи с самооценкой гепарда, что, стань я его женой, он откормит меня так, что не только бегать разучусь, но и вообще передвигаться! А предкам моим это на руку – укрощение строптивой, так сказать.

– Мисс Вудвилл!

– Покасики, усатик! – Прямо по коридору. Толкнула дверь с табличкой «Вход только для персонала» и помчалась дальше, на ходу снимая туфли.

– Ну и куда прёшь?! – накинулась на меня пухлая женщина в синем халате и с тугой сеткой на голове.

Вручила ей свои туфли:

– В Интернете можно продать за хорошие деньги. Всего раз надевала. Фирма! Ну, говорите, где запасный выход?

– Эм... – Женщина бросила недоверчивый взгляд на туфли, такой же на меня и кивнула на стальную дверь слева по коридору.

– Спасибо! Классная сеточка, кстати, – подмигнула я ей и помчалась дальше, потому как голоса папочкиной охраны звучали совсем близко. Я всех их знаю: и по именам, и в лицо. Довольно часто приходится тусоваться с этими ребятами. Порой даже в ванную зайти страшно: никогда не знаешь, кто поджидает тебя в душевой кабинке.

– Там кухня! – закричала вдогонку женщина. – Всё время прямо! Синяя дверь.

Ох, опять запах еды. Как же дурно-то.

– Мисс! Вам сюда нельзя!

– Да я на секундочку!

Толкнула дверь. Ну наконец-то. Свобода!

В лицо ударил свежий ветерок Лос-Анджелеса, принёсший с собой запах океана. Босые ступни ощутили гладкий тёплый асфальт. Я бежала навстречу летнему солнцу, по уз-

кому проходу – к кованой ограде, выходу с заднего двора ресторана, и слушала, как в сумочке разрывается мобильный – Пьер Бувье из Simple Plan подпевает в ритм моим шагам:

*Возьми меня за руку здесь и сейчас,
Зачем думать о том, что будет после?
Возьми меня за руку здесь и сейчас!
И найдём это место под солнцем².*

Волосы выбились из причёски, крупные локоны рассыпались по плечам; наверняка сверкают на солнце и выглядят отпадно! М-м-м... так и вижу себя со стороны, как в замедленной съёмке...

БАХ!

Чёрт.

Тот ещё был звук.

Звон в ушах, и птички над головой кружатся. Со всей дури неудачно врезалась в столб прямо лбом... Наверняка будет шишка.

А лоб-то как болит...

– Мисс Вудвилл! – Топот ног за спиной. – Постойте!

– Не сегодня, парни! Пижамы-пати отменяется! – Со всей силы толкнула в трёх папиных «гладиаторов» огромный мусорный контейнер на колёсиках.

БАХ!!!

² Гр. Simple Plan «Take my hand», слова Ch. Comeau, P. Bouvier, A. Lanni.

– Мисс Ву-у-двилл... Вы не должны этого делать! – стараясь избежать столкновения с мусорным контейнером, надрывались охранники.

– У вас на сегодня расписание! Мисс Вудвилл!

– Завтра над сериалами похнычем, парни! – Завернула за угол.

Ну вот же она – парковка! Встретил меня шофёр Перси.

– Ключи! – на бегу выставила руку вперёд, отчётливо чувствуя, как от широких шагов юбка-карандаш трещит по швам.

Перси уже за пятьдесят. И он лет десять на моего отца работает, но со мной так и не научился справляться.

– Ключи! – повторила я, и растерявшийся бедняга Перси бросил мне ключ от авто. А я в ответ бросила ему свой клатч. – Пьер Бувье уже устал петь! Перси, пупсик, подними трубку и скажи моему отцу, что всё путём.

– Алло? Да, мистер Вудвилл. Да, мистер Вудвилл. Да, всё путём.

Авто мне ни к чему. Всего-то багажник нужен. Вытащила из-под обшивки красненький скейт, чмокнула посерединке, чмокнула Перси в щёку, забрала мобильный и ударила колёсами об асфальт.

О да, детка! Я скучала!

– М-м-мисс В-вудвилл, у вас на лбу...

«Будет шишка», – мысленно закончила за Перси, рассекая по дорогам Лос-Анджелеса на своём стареньком люби-

мом скейте. Предки думают, что я его лет пять назад как вы-
бросила. Наивные какие.

Разогнавшись до нужной скорости, поставила на доску две ноги и обернулась: «гладиаторы» загружаются в авто. Будут преследовать, как и ожидалось.

Вот блин. Мне уже двадцать, а всё в догонялки играю!

Взглянула на часы – без пяти минут шесть.

– Ну всё. Я труп. – Выхала на Бертон-уэй. Срезала дорогу через сквер, отталкиваясь ногой от тротуара, лавируя между прохожими и двигаясь в сторону перекрёстка Алмонт-драйв и Дейтон-уэй.

На ходу достала из лифчика «неофициальную» сим-карту и вставила во вторую ячейку мобильного. Тут же пришло сообщение о миллионе входящих вызовов и ещё столько же эсэмэсок с угрозами о моей смерти.

Звонка от Эстер ждать не пришлось.

Приняла вызов:

– Прежде чем назовёшь причину моей скорой кончины, скажи, где ты, Эстер, или папины щеночки найдут меня первыми!

– ОБЕРНИСЬ!!! – как ненормальная завизжала в трубку моя лучшая подруга, и я увидела её красный пикап, а позади него с десятков машин, недовольно сигналиющих из-за образовавшегося затора.

Голова Эстер просунулась в окно с пассажирской стороны:

– Жить надоело?! Быстро садись!!!

С визгом шин пикап Эстер рванул с места.

– Ты мой герой! Дай поцелую! – рассмеялась я, громко чмокнув Эстер в щёку. Бросила скейт на заднее сиденье и сама перелезла туда же.

– У тебя Пьер Бувье надрывается! И меня это нервирует!

Я бросила взгляд на мобильный: «Надзиратель». Сбросила вызов отца.

Вообще-то Эстер редко выходит из себя. Из нас двоих я – оторва, которая вечно влипает в неприятности. И моя дорогая Эстер – та, кто меня из них вытаскивает и учит уму-разуму. Ну знаете, как это бывает? Классика жанра. Она – неотъемлемая часть меня. Как плюс и минус. Как день и ночь. Как... Оззи и Шерон Осборн. Даже не знаю, в каком закрытом монастыре для девочек сейчас бы обитала, если бы не Эстер и её железные аргументы, с помощью которых она прикрывает меня перед предками. О, да, мама её обожает! Знала бы она, какая хорошая из неё актриса!

Эстер вывернула руль, и с новым визгом шин авто выехало на перекрёсток.

– Эй! Ты так нас обеих прикончишь!

– Ну нет, тебя я лично собираюсь придушить, – со спокойствием мертвеца отозвалась Эстер, посылая мне пугающие взгляды через зеркало заднего вида.

Моя подруга – сногшибательная брюнетка с четвёртым размером груди, аппетитной попкой и средиземноморски-

ми чертами лица, вся в мать, но если честно, одним только взглядом она способна до смерти напугать кого угодно.

Эстер всегда выглядит одинаково. Представьте себе выражение лица человека, которому в пятый раз за день звонят в двери и пытаются впарить эксклюзивную сковородку с нержавеющей покрытием, а он буквально час назад уже купил точно такую же просто ради того, чтобы его оставили в покое. Тяжёлый взгляд из-под полуприкрытых век и мрачность лица, как у гота, бродящего по кладбищу. Вот. Вот как выглядит Эстер. Точно старушка, уставшая от жизни. И я обожаю эту старушку!

– Я тебя полчаса назад должна была подобрать. Где тебя носило? – холодно процедила она, наградив своим стандартным взглядом – точно труп заговорил!

– Кушала.

– Надеюсь, тебя вырвет.

– Да ладно тебе, Эс. Я не виновата, что свидание с моим женишком перенесли на пять. – Я стащила с себя юбку,хватила из пакета рваные до невозможности синие джинсы, кеды и чёрную футболку с белой надписью «Hellish donuts», что означает – «Адские пончики», и быстренько переоделась. Стянула волосы в тугий пучок на затылке, напялила круглые солнцезащитные очки в ретро-стиле и вернулась на переднее сиденье.

Эстер бросила на меня пронизательный взгляд:

– Поздравляю, принцесса Калифорнии, теперь ты снова

похожа на человека.

– Тогда, может, улыбнёшься уже? Чего такая противная?

Эстер наградила меня ещё одним мрачным взглядом:

– Парни в бешенстве! Мики звонил уже раз триста! Представители Victory Records давно в клубе! А ты от меня улыбки просишь? Вот бы мне такое отсутствие совести.

– И, даже несмотря на твоё занудливое ворчание, ты всё равно милашка, – усмехнулась я, потрепав её по длинным жгуче-чёрным волосам, которые сегодня были идеально выпрямлены.

– А ты, как всегда, в полном дерьме. – Эстер сменила гнев на милость и бросила на меня максимально сочувственный взгляд. – Отец убьёт тебя, правда?

– Правда. Только если Мики не убьёт меня раньше.

Эстер холодно усмехнулась и протянула мне свой мобильный:

– Кстати, о старших братьях. На, поговори с моим сама. – Таким тоном она могла бы зачитывать некролог.

Входящий вызов от «Мелкий Мики».

Нажала «принять», с силой нажала на клаксон и прокричала в трубку:

– Мы в пробке! Скоро будем!!!

– Лекс... – раздалось в ответ, но я уже сбросила вызов и с милой улыбкой на устах вернула мобильный подруге.

– Да ты прям Нострадамус, – с кислым видом буркнула Эстер и покосилась на меня. – Пробка.

Здорово. Теперь мне точно конец.

«Это был новый взрывной хит от Far-between! Жаркий летний вечерок стал ещё жарче!» – раздался из колонок голос радиоведущего, и Эстер сделала громче.

– Пф-ф, прям так и взрывной, – фыркнула я с усмешкой.

– Заткнись. Дай послушать.

«Вы почувствовали это? О да! Парни, как всегда, на высоте!» – делился с радиослушателями ведущий.

– На высоте трёх дюймов над днищем ада, – вновь не сдержалась я и во избежание встречи с гневным взглядом Эстер уставилась в окно.

«И, кстати! Far-between всё ещё в поисках нового соло-гитариста! Так что доставайте свои гитары из чехлов и стряхивайте пыль, жители Калифорнии! Старт музыкального отбора в рамках нового шоу «Только играй» уже не за горами! Готовы выбрать себе любимчика и осыпать его фото поцелуями? Скоро у вас будет такая возможность, прекрасные леди! Скоро на одного принца в Far-between станет больше! И, надеюсь, он задержится у них надолго, а не на пару месяцев; как бы это уже традицией не стало. Поговаривают, что после ухода Шейна Бенсона теперь это место проклято...»

– Надеюсь, он будет таким же секси, как и Калев, – прокомментировала Эстер, с похоронным выражением лица нажимая на клаксон. – Хотя... о чём это я? Калев вне конкуренции.

Моя подруга хоть и ведёт себя, как пришелец с другой

планеты, но внутренний мир у неё ого-го какой богатый! А нездоровую любовь к симпатиям за микрофонной стойкой и с гитарой в руках уже давно можно приравнять к хронической болезни.

«Поговаривают, что Far-between уже со дня на день почтут своим присутствием Голливуд! – продолжал вещать радиоведущий. – Подготовка к шоу идёт полным ходом! Даже известная, но за последние годы заметно утратившая свою популярность ведущая MTV Анемона возвращается из отпуска на несколько дней раньше, чтобы занять пост у телеэкранов. А вы уже рисуете плакатики с милыми сердечками и именами своих идолов? Я вот уже нарисовал парочку!»

Я весело покосилась на Эстер.

– Ничего такого я не рисовала, – мрачно отрапортовала та и вновь надавила на руль.

Из-за моего опоздания выступление «Адских пончиков» перенесли на полчаса. Что значит – уже несколько довольно-таки популярных рок-групп успело выступить до них и произвести на представителей музыкального агентства хорошее/плохое впечатление. Не важно какое. Простая истина: чем больше ешь, тем меньше хочется. Вот и представители Victory Records скорее всего уже наелись до отвала. Особенно тот мужчинка в блестящем белом костюмчике со стразами и с прической в стиле Элвиса Пресли; кажется, его мистером Вонгом величают, если ничего не путаю. Суетится, поглядывает на часы и переговаривается с худощавым дядень-

кой с впалыми щеками, которого прежде я не встречала.

Эстер толкнула меня в спину и потащила за кулисы. К тем, кто в данный момент ненавидит меня даже больше, чем Шреддер Черепашек-Ниндзя.

Дело в том, что два месяца назад «Адские пончики» отослали в музыкальное агентство Майкла Тура демо-запись новой песни. А две недели назад организаторы концертов в этом клубе лично позвонили Мики – фронтмену группы, с сообщением о том, что представители Victory Records заинтересованы в сотрудничестве и хотят лично присутствовать на выступлении.

А я, блин, в итальянском ресторане пузо набивала и уничтожала все шансы на брак с самым мерзким толстяком на свете, в то время когда в этом зале находится агентство моей мечты!

Я влетела за кулисы на всех парах, на ходу натягивая на голову ярко-синий парик с каре и упорно игнорируя взгляды товарищей по группе.

Тёмные очки на месте, на губах алая помада. Что за цирк? Всего-то дочь сенатора штата выступать собирается, так что всё нормально. Если предки узнают, чем я занимаюсь в свободное от вышивания крестиком время, «Адские пончики» превратятся в «Просроченные крендельки» и отправятся на помойку.

– Потом расскажешь! – прорычал Мики сквозь зубы, вручая мне мою гитару и перебрасывая через плечо ремень от

своей. – Выходим на сцену.

– Ага.

– И у тебя шишка на лбу.

– Знаю.

Мики снисходительно вздохнул:

– Надеюсь, у тебя хватит аргументов оправдать своё опоздание.

– Я дочь сенатора. Такое подойдёт? – послав Мики свою самую очаровательную улыбку, я поцеловала его в щеку, оставив красный след от помады, и первой вышла на сцену под свет софитов.

И панк-рок загремел на весь зал! Голос Мики раздался из колонок, и девчонки у сцены тут же завизжали, как ненормальные. Да, Мики у нас красавчик. И секси.

А ещё он мой парень.

*Рисуешь ты пальцем на небесах,
Короткое слово на букву «Х».
И совесть чиста, как белый снег,
Теперь веселее смотреть наверх.
Позывы в душе стреляют на подъём,
И формула счастья – собственный закон.
Если вдруг зашла в тупик твоя игра,
Ты просто поменяешь её правила.
Асфальт загорает – солнечный обстрел,
Натрёшь его кремом, чтобы не сгорел.
И совсем ни к чему миллион причин,*

*Людей вокруг много, ты такой один.
Пусть мысли парят, как воздушный шар,
Внутри горит пламя, а в душе пожар.
И каждый прохожий вслед махнёт рукой,
Как весело жить, когда мир такой!*

На последних аккордах Мики, как всегда, потянулся ко мне и закончил выступление страстным поцелуем на глазах у публики. А это такое сообщение для всех парней в зале, которые успели положить на меня глаз: «Эту девочку не трогать. Она моя».

Глава 3

– Шикарно!

– Лучше не бывает!

– Знал, что так будет.

– Да расслабьтесь уже, мы отлично выступили! – в сотый раз повторяла я.

Барабанщик «Адских пончиков», ну или просто Дылда, как все его называют за жирафий рост, адресовал мне угрюмый взгляд и, оттопырив верхнюю губу, безжизненно изрёк:

– Пойду с моста скинусь.

Я закатила глаза и с тяжёлым вздохом упала на дряхлое кресло в тесной и вонючей клубной гримёрке. Стянула с головы парик и распустила взмокшие волосы.

Смурф – бас-гитарист «Адских пончиков», с недовольным видом остановился напротив меня. Такое прозвище он, кстати, получил за то, что однажды после весёлой пьянки посинел – так плохо ему было. Реально посинел! Это не шутка!

– Выступили мы отлично, а поговорить представители агентства позвали одного Мики. – Прищуренные глазёнки Смурфа глядели в мои. – Даже не знаю... что же такого они хотят ему сказать. А, нет, знаю! На задницах расписаться просят! А, Лекс? Как считаешь?

– Эй ты, гномик синий, заканчивай, а? – Эстер со скучающим видом подпирала стену и разглядывала свой маникюр. –

Лекса твой друг! А ещё она не виновата, что у неё папаша сенатор штата.

– Раньше это не мешало ей приходить на выступления вовремя!

Вот такой вот у нас весёлый состав «Адских пончиков». Я тоже в восторге.

Мики явился в гримёрку через минут пятнадцать – не раньше. Залпом осушил бутылку с водой, растрепал свои влажные волосы цвета пшеницы ещё больше, смял в руке какой-то цветастый клочок бумаги и швырнул в угол.

Все молчали. Ждали, пока Мики первым заговорит, но он лишь повесил на плечо чехол со своей гитарой и направился к двери, бросив, не оборачиваясь:

– Всё. Пошли отсюда.

Как оказалось, «Пончиков» никуда не пригласили. Представители Victory Records долго и бесстрастно хвалили наше выступление, после чего вручили Мики приглашающий на первый отборочный тур шоу «Только играй», по ходу которого будет отобран новый гитарист для известных Far-between. Заверили его, что такой гитарист, как он, точно не пропадёт и со стопроцентной уверенностью выйдет в фавориты.

Первое: он нереально талантлив – что правда. Второе: у него подходящая по всем параметрам внешность. Ну а третье к плюсам не относится: Мики не единственный, кого сегодня пригласили поучаствовать в шоу. Это, оказывается,

новшество у них такое, во избежание никому не нужных отборочных туров, всё-таки не для кого попало гитариста выбирают, а для самих FB, так что базовый набор критериев для кандидатов давно прописан. Круг претендентов сужен до тех, кто подходит по основным параметрам – что, в принципе, логично. Вот только мне до этого совершенно нет дела. Мы наивно думали, что известное агентство придёт на нас всех посмотреть, а не только на фронтмена группы.

Парни разозлились – не то слово. Мики разозлился ещё больше. Он, как и все, рассчитывал наконец ухватить удачу за хвост и прославить «Адских пончиков» на весь мир, а тут... не просто нас всех бортанули, но и ему предложили возможность, которую он даже рассматривать не станет.

– Моя музыка – это не только игра на гитаре, – как-то сказал он мне, валяясь на пляже в обнимку со мной и мечтательно глядя на звёзды. – Слова – вот что важнее всего. Я хочу говорить с публикой не только через инструмент, а с помощью лирики. Не хочу молча стоять на сцене и просто бить по струнам...

– Как я, например, – усмехнулась, глядя, как в ясных зелёных глазах моего парня искрятся звёзды.

– Ты сама отказалась от этого, – улыбнулся он, привлекая меня ближе к себе и нежно целуя в кончик носа. – Я тысячу раз предлагал тебе петь.

– Знаю, – фыркнула я. – Но, во-первых, если я начну петь, у «Пончиков» не останется ни одного фаната, потому что,

как только открою рот, случится массовый взрыв мозга. Ну а во-вторых, я слишком виртуозный гитарист, а ещё дочь сенатора Калифорнии... Плотный график, светские мероприятия, милашка-пухляшка женишок... Ну, ты понимаешь.

После этих слов Мики закрыл мне рот поцелуем. И в ту ночь я впервые ночевала в его комнате. В его кровати. В ту ночь я до конца стала его. А он – моим. Узнай об этом мои предки, а ещё о том, что через два месяца у нас с Мики будет ровно два года с начала отношений, они бы на меня пояс верности повесили и сослали в монастырь где-нибудь на краю земли, грешки замаливать.

В общем, после внушительной речи Мики в баре о том, что свою группу он никогда не бросит, выпивший Смурф так растрогался, что бросился на Мики с объятиями и разрыдался в голос, как трёхлетний ребёнок. Дылда в это время, как всегда, подкатывал к Эстер, а я... убеждала себя в том, что не всё потеряно. У Тейт Миллер тоже сначала ничего не клеилось. А потом мы вдруг всем составом «Пончиков» побывали на её концерте на стадионе в тридцать тысяч мест.

Это было нечто!

И да, я держала один из плакатиков!

Парни и Эстер уже успели принять щедрую дозу тёмного пива, а я в наказание за опоздание была выбрана «развозчиком тел по домам». Мы договорились о следующей репетиции и вывалились на улицу – под звёздное небо Лос-Анджелеса.

Мики и Эстер я отвезла домой последними, вверила по-друге гитару, забрала скейт и вернула ключи от пикапа.

После того как Эс ушла, Мики притянул меня к себе и на тяжёлом вздохе крепко обнял.

– Прости, что наехал на тебя за опоздание, – прошептал он мне в висок, щекоча дыханием кожу. – Даже если бы ты пришла вовремя, ничего бы не изменилось. – Несколько раз поцеловав меня в шею, затем в щеку и, наконец, в губы, мягко и сладко, он отстранился и поглядел мне в глаза: – Не злишься?

Я обвила его шею руками и не сдержала смешок:

– Я-то? Конечно, злюсь! Особенно на мистера Блестящий Костюмчик! А ещё на весь мир, на своего отца и на блюда итальянской кухни. Особенно на последнее. – Прекратила улыбаться и шумно вздохнула. – Ну а теперь серьёзно. Давай поговорим насчёт твоего приглашения на отбор. Ты точно уверен, что не хочешь попробовать? Просто я...

– Лекса, – Мики резко отстранился, переплёл пальцы на моём затылке и на раздражённом вдохе устремил лицо к небу, – даже обсуждать это не хочу. Я им не нужен. А они не нужны мне. Знаешь, что твой *«мистер Блестящий Костюмчик»* сказал мне? Что в первую очередь они обратили внимание на твою игру! И если бы ты была парнем, то на шоу пригласили бы тебя! Но в нашей группе парень с гитарой – это я! Какая ирония. – Мики развёл руки в стороны и, сделав шаг вперёд, заговорил ещё громче: – Им плевать, как я пою

и о чём пою! Им нужен образ и кое-какие умения бить по струнам – всё. На этом всё! – Мики невесело усмехнулся, и я уже успела пожалеть, что позволила ему выпить столько пива. – Far-between?.. Не смей меня, Лекса. Так что давай...

– Так что давай закроем эту тему, пока я не высказала тебе всё, что думаю по поводу твоей истерики.

– Истерики? – Мики мрачно усмехнулся.

– Именно. И ты знаешь, я всё скажу!

– О, да. Правдоруб Лекса. Всегда говоришь, что думаешь. Ну давай, скажи, как я не прав, – Мики яростно всплеснул руками, – я тебя слушаю!

Стоп.

Что вообще происходит? Оно мне надо?

Пусть дальше сам с собой разговаривает, а не отчитывает меня на весь жилой квартал за то, в чём я вообще не виновата! Ну да, я считаю, что от любого шанса в жизни отказываться нельзя, ведь второй возможности может и не быть, а сожаления потом уже ничем не помогут. И я точно знаю – Мики безумно талантлив, вот только гордый до мозга костей, чтобы воспользоваться приглашением на музыкальное шоу. Он предан «Пончикам», но если мы тянем его вниз, а мы тянем, то не вижу причин строить из себя самоотверженного идиота и упускать возможность показать свой дар всему миру.

Так что лучшее, что я могла сделать в данной ситуации во избежание ссоры, это ударить скейтом о тротуар и покатить

в сторону дома – получать своё «заслуженное» наказание. Почему не осталась у Эстер и Мики? Да потому что папина охрана в первую очередь будет искать меня там. А если ещё и в кровати с Мики застукают, то всё, сушите хлебушек.

– Лекса! – закричал Мики вдогонку. – Прости, я не хотел... Чёрт!

Знаю, что не хотел. Поэтому и уехала. Зачем скандалить, если можно уйти в нужное время и потом всё решить на холодную голову?

В кармане джинсов завибрировало. ЭСМ от «Братик Эстер». Это на случай, если мама решит покопаться в мобильном.

Братик Эстер: «Спасибо».

Довольно улыбнулась самой себе и сильнее оттолкнулась ногой от асфальта.

Я: «Рада, что тебе лучше».

Братик Эстер: «Прости. Эстер сказала, что я идиот».

Я: «И Эстер, как всегда, права!»

Нет ответа. Сбросила скорость и свернула на парковую аллею. До дома всего минут десять езды осталось.

Я: «Ладно... Ты не всегда идиот».

Братик Эстер: «Я идиот, потому что не имел права кричать на тебя и вместо этого должен был проводить до дома».

Я: «И заодно попросить моей руки у господина сенатора».

Братик Эстер: «Рано или поздно я это сделаю и больше не буду прятаться от твоих родителей! Смотри на дорогу. После

порки жду звонка».

Я: «После порки меня лишат телефона. Отправлю эсэм-эски с мобильного Хизер».

Братик Эстер: «Люблю тебя, Лекса».

Я: «Знаю. И я тебя».

Визг шин, и БА-А-АХ!!!

Вот кто, по-вашему, пишет эсэмэски, рассекая на скейте про проезжей части?

Я!

Вот кто, по-вашему, полный олень?!

Я!

Знаю. Вот только я честно ехала на зелёный, хоть и по правилам должна была нести доску в руках. Но горел зелёный. ЗЕЛЁНЫЙ! Дважды проверила!

И где я теперь? В позе морской звезды утепляю асфальт и мысленно делаю ставки на количество переломанных в теле костей. А ещё о том, что сегодняшний день можно официально называть самым дерьмовым днём в моей жизни.

С каких пор я такая неудачница?

А это что за звуки? Ко мне что, люди сбегаются? Дьявол! Где мой парик?! Отец мне кожу со спины живьём сдерёт, если фото данного инцидента просочатся в прессу.

Резко села. Проверила, не осталось ли подо мною тела. Не осталось. Вся правая сторона горит в огне и жутко саднит. Голова кругом, но вроде бы цела. И если бы были переломы, вряд ли бы я так живенько вскочила на ноги.

Нашла парик и нацепила на голову, следом подхватила мобильный, выпрямилась и встретила глазами с ослепительными фарами чёрного... Чего? Меня сбил лимузин?

Дверь сбоку от водительской стороны открылась, и из неё показался высокий качок-азиат, в строгом костюме и с «горшком» короткостриженных волос.

– Из машины не выходить! – приказал кому-то, захлопнул дверь и стремительно направился ко мне. Оглядел с ног до головы, приспустив на нос черные очки, и проницательно посмотрел мне в глаза. – Мисс, прошу, пройдёмте со мной. Как можно скорее. Идёмте.

Это он кому? Мне, что ли?

Звуки затворов фотокамер дико раздражали, прикрывать лицо наверняка удаётся плохо. Если меня узнают... Если фото увидит отец...

– Я одолжу это на минутку? – протянула руку и сорвала с лица качка-азиата очки. Напялила на себя и тут же схватилась за правый бок.

– Блин, точно катком переехало...

– Мисс! Прошу! – внушительно зашипел азиат. – Пройдёмте в машину.

– С какой стати?

Больше азиат ждать не стал: подхватил меня под локоть и поволок к лимузину.

– Эй-эй, полегче, Джеки Чан!

– Быстро садитесь в машину! Это в интересах обеих сто-

рон, мисс.

– А ты кто? Японская мафия?! – Я пыталась сопротивляться, одной рукой прикрывая лицо от зевак на улице, а второй пытаюсь освободиться от сбившего меня недавно похитителя. – Я буду кричать, предупреждаю! Прочувствуешь всю силу моих децибелов, чёртов маньячина!

Из открытой двери лимузина, в которую я упиралась одной ногой, послышался негромкий смех.

А вот теперь по-настоящему страшно.

Во все глаза уставилась на азиата:

– Сколько вас там?! Вот чёрт. Извращенцы!!! Помогите! Извра... – Ладонь азиата зажала мне рот, вторая с силой опустила голову и буквально впихнула в салон авто. Я дёргала руками и ногами, пытаюсь отбиваться, и орала о том, что всех их закопают на ближайшем кладбище, потому как они понятия не имеют, с кем связались!

Дверь захлопнулась, и лимузин тронулся с места.

Вот же попала!

– Отвалите от меня! – Кто-то рывком усадил меня на сиденье, и в просторном салоне с бежевой обшивкой зажегся свет. – Всех закопают! Всех до единого, ясно? Вам это с рук не сойдёт! Понял меня, Джеки Чан?!

Азиат глядел строго, но в то же время будто бы виновато. Мой парик был на месте, и чёрные очки, отобранные у похитителя, тоже.

Постойте-ка... У похитителя? Так вот оно что! Дошло на-

конец! Эти похитители знали, кого похищают! Ну точно! Будут требовать выкуп за дочь сенатора.

Секундочку.

А это кто такие?

И почему... почему они так похожи на музыкантов из...

– FB? – тихонько выдохнула я, во все глаза глядя на мечту своей лучшей подруги: Калев абсолютно бесстрастно смотрел на меня, а невидимая надпись у него на лбу буквально кричала: «Лучше бы мы тебя задавили, меньше было бы проблем».

– Вот тебе и поездочка из аэропорта, – вздохнул ещё один азиат – точная копия клавишника Ин Хо; закрыл глаза и откинулся затылком на подголовник.

– Да ладно тебе, мужик! Ты только посмотри на её парик! – Свист точной копии Джареда. – Очуметь! Дашь примерить?

– Джаред, не сейчас! – рявкнул на него Джеки Чан, который, скорее всего, раз такой расклад, является их постоянным менеджером Каном, и, явно нервничая, придвинулся ко мне. – Мисс... Мисс?..

Пауза.

– Сталлоне, – ответила я, рассматривая блондинчика Патрика. Улыбнулся мне. Нехорошо. Мои галлюцинации мне же улыбаются. Очень-очень плохо.

– Сталлоне? – удивлённо переспросил менеджер.

– Ага. Видели, как мой папочка с пушкой обращается?

Всех вас перестреляет.

– Ладно, не хотите представляться, ваше право, – безнадёжно вздохнул азиат. – Мисс, как вы себя чувствуете? Где болит? Вам нужно в больницу? Да о чём это я?.. Разумеется, вам нужно в больницу. – Цокнул языком и оглядел ФВ. – С возвращением в Лос-Анджелес, парни. Поездка началась бесподобно.

– Так это... это не шутка? – Мне всё ещё сложно было поверить в то, что я вижу.

– Что?

– Галлюцинации.

Менеджер Кан нахмурился. Джаред весело присвистнул. Патрик давился нелепой улыбочкой. Ин Хо так и сидел с закрытыми глазами. А Калёб выглядел так, словно я ему ведро с дерьмом на голову вывернула и полотенце не предложила.

А по телеку он кажется таким душкой...

– Это ФВ, что ли? – тупо протянула я, и Джаред вновь рассмеялся:

– Эй, водила! Крути баранку к больничке!

– Нет! – воскликнул менеджер Кан. – Сделай круг и останови недалеко от места инцидента! – Нервно сглотнул, провёл рукой по волосам, затем сцепил пальцы в замок и сосредоточенно посмотрел на меня. – Мисс, вы умеете решать проблемы тихо? Не поймите меня неправильно, но давайте здраво глядеть на ситуацию. Вы...

– Умею. Не надо мне ничего объяснять, – перебила уве-

ренно.

– Тем лучше. Сколько? – кивнул тот.

– Сколько... Сколько что?

– Сколько хотите за молчание о происшествии на дороге?

Если вы и решите заявить на нас в суд, шансов выиграть дело практически нет. Поверьте на слово.

– Суд? – едва ли не с абсурдом усмехнулась я, поглядывая на парней. – Боюсь, что если я подам на вас в суд, то дело будет длиться годами, ребятки.

– Так, значит...

– Ну разумеется нет, – заверила я менеджера. – Ничего подобного я делать не собираюсь. Ещё не выжила из ума!

Тишина.

О каком вообще суде говорит этот мужик? Видела бы меня сейчас Эстер – вот что главное! Сами FB передо мной! Как бы их на селфи раскрутить...

– А, вот в чём дело, – закивал менеджер, с умным видом почёсывая подбородок. – Вы сделали это намеренно.

– Что?! – взвизгнула я. – В каком смысле?!

– Знали, что парни будут ехать этой дорогой! Вы специально это сделали, мисс? Специально прыгнули под колёса? Вы фанатка FB? Признайтесь.

Тот момент, когда слов не остаётся.

– Что-то мне всё это напоминает, – звонко усмехнулась Джаред, взмахнув тёмной шевелюрой. – Лос-Анджелес, нездоровый цвет волос, сталкерша и всё такое...

– Не смей! – пригрозил ему Калев.

Тот момент, когда хочется присвистнуть.

– Мисс, предлагаю мирное решение проблемы, – воодушевился Кан, ударив себя по коленям. – Если оно вам не подойдет, придётся связываться с нашим адвокатом.

В итоге разошлись по-хорошему – в интересах обеих сторон. Я уверила менеджера Кана в том, что мне афиширование данного инцидента абсолютно ни к чему и проблемы у меня будут похлеще, чем у них. А если пресса пронюхает, кто я такая, то до конца года совместно этот скандал расхлёбывать будем. И всё это накануне выборов моего папочки! О последнем, разумеется, не упоминала.

– Ну и кто ты такая? – усмехнулся загорелый Патрик, сверкая белоснежными зубами. – Дочка Сталлоне?

– Вроде того, – весело поиграла бровями и протянула Калебу белый лист бумаги и маркер, полученные у менеджера. Тот мрачно взглянул мне в лицо, затем на лист.

– Всего лишь автограф. Я договорилась с твоим менеджером. Это часть сделки, если хочешь. – Потрясла рукой. – Прости, что в миллиардный раз вынуждаю тебя это делать, но раз уж так сложились обстоятельства... – Потрясла рукой ещё раз, глядя в бездонные серые глаза. Такие холодные и такие недоброжелательные, что аж как-то не по себе стало.

Калев придвинулся ближе, так что свет ярче осветил его лицо, и первое, на что переключился мой взгляд, так это на глубокий V-образный вырез его футболки, а точнее, на тату в

виде «танцующих» на шее чёрных языков пламени. На фото они выглядят по-другому – вживую намного круче.

– Давай, – Кaleb выхватил лист и маркер, зубами снял колпачок и вопросительно уставился мне в лицо.

Вот это синячищи под глазами! Сколько лет он не спал?

– Ты вампир?

Брови Калеба приподнялись, точно ослышался. Лицо застыло в недоумении.

Я как обычно – мозг медленно тащится за языком.

– Что, прости?

– Да нет, ничего, – отмахнулась, пожав плечами. Кивнула на лист. – Для Эстер.

– Привет, Эстер! – помахал мне рукой Джаред, вальяжно распластавшись на диване.

– Я не Эстер. Это для моей подруги. Подарочек перед инфарктом.

Глаза Калеба резко поднялись на меня.

Да что не так с этим парнем? Чего напряжённый такой?

– Давайте быстрее, ребятки! – подгонял менеджер. – Мы уже приехали.

Кaleb хмуро глядел на меня:

– Берёшь автограф для подруги?

– Это запрещено?

– Так ты ради неё под колёса прыгнула?

Ну вот. Приплыли.

– Ты вообще где был пять минут назад? Мы вроде как уже

выяснили эту ситуацию. Ну, чего там? – Вновь кивнула на листок. – Мне ещё дома незабываемые ощущения получать, а я, знаешь ли, не резиновая кукла. Ну, в смысле... Не та кукла, о которой ты подумал, а в смысле... просто не резиновая. Да и вообще не кукла. Запас энергии у меня не бесконечный, в общем. Ты понял. – Кивнула. – Давай, пиши.

И вдруг «вампир» усмехнулся. Тихонько так, едва слышно, приподняв уголок рта, и на щеке тут же родилась крохотная ямочка.

А может, просто показалось?

Эстер бы душу дьяволу продала за это зрелище. А у меня в голове лишь мысли о том, чтобы папочка в этот раз не выслал меня куда-нибудь в Сибирь. Вот честное слово, совершенно не до красавчиков с телеэкранов. Тем более что бруталы вроде Калеба вообще не в моём вкусе.

Хотя, признаться, ямочка на щеке очень даже симпатичная.

– Ну что? – поинтересовалась я максимально вежливо, стараясь не морщиться от боли в боку. – Написал?

– Сними очки, – с серьёзным видом вдруг произнёс Калёб.

– А потом парик и всё остальное? – усмехнулась я.

Лидер FB шутку проигнорировал:

– Ты не похожа на нашу фанатку.

– Ну... это, наверное, потому, что я и есть НЕ ваша фанатка. – Поиграла бровями. – Без обид. Такие существуют. Вымирающий вид.

– И чья же ты фанатка? – хохотнул Джаред.

– Своего парня, – ухмыльнулась я и вновь кивнула на лист бумаги в руках Калеба. – Как там дела?

Калеб не сводил с меня пристального взгляда и наконец протянул листок с автографом.

– Спасибо. – Сложила вчетверо и спрятала в задний карман джинсов. – Только что ты сделал одного человека на-а-много счастливее. Теперь Эстер каждый раз перед сном будет поливать твой автограф слюнями.

Джаред и Патрик загоготали.

«Какие весёлые ребята».

Калеб сложил руки на груди и откинулся на спинку дивана, так что тёмные локоны упали на лоб и слегка прикрыли глаза. Смотрит на меня так, будто мы с ним только вчера кофе в Старбаксе пили, а я это внезапно запомнила и заслуживаю презрения.

– Ребята! График! – настойчиво напомнил менеджер Кан, постучав пальцами по часам на запястье.

Джаред весело присвистнул:

– Юху-у! Выпивка и девочки на подходе!

– Я тебе сейчас такой штраф влеплю! – зашипел менеджер.

А лидер FB всё не сводил глаз с меня.

– Ну, удачи в Штатах, – с энтузиазмом пожелала я, кивнув Калебу. – И, кстати, по телеку ты не таким кажешься.

– И каким же? – произнёс тот негромко.

– Не знаю. Не таким... м-м... злобным?

Грудь Калеба слегка приподнялась в беззвучном смешке:

– Возможно. А ты не очень-то вежлива с теми, кого впервые видишь.

Я простодушно дёрнула плечами:

– Возможно.

– Всё? – поинтересовался Кaleb спустя недолгую паузу.

– Ну да.

– Тогда чего ждёшь? Выход там.

Взглянула на дверь и прищёлкнула языком:

– Вот блин. А я, дура, через окно собиралась вылезти.

На этот раз на обеих щеках Калеба родилось по ямочке.

И мне точно не показалось.

– Как тебя зовут? – раздался его голос, когда я уже практически захлопнула за собой дверь лимузина.

– А что?

– Лицо я твоё не видел, скажи хоть имя.

– Лекса, – не знаю, зачем ответила. Всё-таки имя у меня не такое уж и редкое.

– Лекса Сталлоне! – следом послышался гогот Джареда, и я захлопнула дверь.

Глава 4

– Да ладно. Ты сама это написала! – Эстер с сосредоточенным до крайности видом расхаживала по моей комнате и не сводила глаз с автографа Калеба. – Как такое могло произойти? Как ты могла на них наткнуться? Под какой звездой ты вообще родилась, Александра Вудвилл? Да это просто фантастика какая-то! Такое только в фильмах бывает!.. Точно, сама написала.

Я приподняла футболку, демонстрируя подруге покалеченный правый бок, на котором ещё только-только расцвёл, подобно огромному бутону розы, синяк, и гаденько улыбнулась:

– Ага. Сама написала. Как раз когда протектор на колёсах лимузина рассматривала.

После многократного рассказа о столкновении на дороге с мировыми знаменитостями Эстер окончательно поняла, что она законченная неудачница, и больше не сомневалась в правдивости моей встречи с её идеалом. Но признать тот факт, что её излюбленный Кaleb не такой милаш, каким кажется, она просто не могла. Да нет же, она напрочь отказалась верить в то, что у этого типа проблемы с вежливостью и очевидная звёздная болезнь в прогрессирующей стадии, и велела мне немедленно заткнуться! Рухнула на кровать, сложила руки на груди и задумчиво-хмурым взглядом устави-

лась в потолок.

Вот уже больше года Эстер сохнет по Калебу из Far-between. Иногда он мне даже снится, после того как побываю в комнате Эстер. Где его там только нет, этого Калеба. А вот мою комнату ещё недавно украшали плакаты с Тейт Миллер. Пришлось избавиться от них, демонстрируя фальшивую покорность предкам и прилежность истинной леди, которая должна быть присуща ребёнку, появившемуся на свет в семье известного политика.

Вот теперь и получаю за вчерашнее по всем канонам. Лучшего наказания папочка и придумать не мог, и домашний арест, отобранный мобильный и лишение Интернета – меньшее из всех зол.

Эстер поднесла автограф к глазам, некоторое время не сводила с него туманного взгляда, затем сложила листок вчетверо и спрятала в карман джинсовой юбки.

Я не сдержала смеха:

– О, ты выглядишь такой скромницей. Иди же, – я развела руки в стороны, – обними свою мамочку. Дай волю эмоциям.

Эстер запустила в меня подушкой.

– Ладно. А теперь поговорим о главном, Лекс.

– А что об этом говорить-то? – Я фыркнула и унылым взглядом уставилась на свою коллекцию из кубков и медалей, полученных за победы на соревнованиях по лёгкой атлетике. – Улетаю послезавтра. Школа-интернат для девочек. Какая-то глушь в Пенсильвании... До ближайшего крупного

города сорок пять миль. Хорошо хоть, из Штатов не высылают.

– Это потому, что там ты будешь под колпаком.

Я повернулась к Эстер и воодушевлённо заметила:

– Там полно всего. Все условия в пределах периметра!

– О, я счастлива, что ты в восторге от своей новой тюрьмы. Дашь брошюрку почитать? – Эстер безнадёжно усмехнулась. – И чему будут учить на этот раз? Финансы? Экономика? Что там сейчас в приоритете у твоего семейства?

– Иностранные языки. Летняя школа. Продвинутый курс.

– Мило.

– Мама считает, мне это пригодится.

– В следующей жизни?

Я горько усмехнулась и плюхнулась на кровать рядом с Эстер. Голова к голове. Белый гляцевый потолок отражал нас обеих. Такие разные – абсолютные противоположности, особенно внешне, и в то же время дополняющие друг друга во всём. Уверена, она точно знает, что творится у меня в голове. Точно знает, какое количество планов побега уже построено. Потому что ни за что на свете до конца лета я не стану гнить в какой-то там летней школе для девочек! Что-нибудь придумаю... как всегда. А Эстер меня прикроет. Как всегда.

– Мики просил передать, что репетиции не будет, – сообщила Эстер и перекатилась на бок, подперев рукой голову. – Дылда вчера повредил руку. Пытался банку с пивом о фо-

нарный столб память.

– И?

– И помял пару пальцев.

Так. Где там мой чемодан? Пожалуй, и вправду стоит скататься в Пенсильванию на пару месяцев, чтобы сдержаться и не скрутить шею самому великому идиоту этого мира!

– Сегодня утром парни решили, что вам нужен отдых. До конца лета репетиций не будет. Так что расслабься, Лекс. Ты уже ничего не сделаешь.

Я резко выпрямилась:

– Это они без меня так решили?!

– Ну ты ведь под арестом. – Эстер, как всегда, была мертвенно спокойна, даже веки опущены так, будто сейчас уснёт. – И ты знаешь, что, кроме меня, к тебе никого не пустят. Так что... после сегодняшнего собрания было принято решение взять перерыв. Смурф вообще решил поехать в Австралию к брату, заняться сёрфингом и прочими способами закадрить побольше тёлочек.

Я с трудом смогла захлопнуть челюсть и затрясла головой:

– А Мики?

– Он не против. – Эстер поднялась с кровати и открыла дверь в мою гардеробную, сплошь забитую дорогим барахлом различных брендов. – Мики будет помогать отцу с чисткой бассейнов и прочей ерундой, для которой у богатеев слишком чистые ручонки. Без обид. А что ещё ему остаётся? Всё буквально кричит о том, что «Пончикам» нужен

перерыв. О, какая очаровательная блузка.

Я скептически уставилась на Эстер:

– А что насчёт тебя? Улетаешь на Луну? Угадала?

– Всего-то две недели по Калифорнийскому побережью покатаюсь. Говорят, билеты на спектакль расхватывают лучше, чем мороженое на пляже.

– Ещё бы, – усмехнулась я. – Твоё лицо и грудь крупным планом на каждой афише. Только дурак не придёт посмотреть на то, как ты играешь куртизанку.

– Между прочим, это ведущая роль.

– Знаю. И, между прочим, Дылда купил билеты сразу на пять сеансов в разных городах, так что готовься лицеизреть его физиономию в первом ряду.

Тяжёлые веки Эстер опустились ещё ниже:

– И это всё, на что он может рассчитывать.

Я тяжело вздохнула. Надо бы позвонить Мики и из первых уст узнать, что вообще происходит?

Схватила с кресла рюкзак Эстер и бесцеремонно принялась выворачивать всё его содержимое на замшевую обивку.

Косметика, тампоны, презервативы, кошелёк, ещё презервативы... Будто у неё парень есть. Зачем вообще их с собой столько носить? Купальник, стопка афиш...

– Где твой мобильный?

– У охраны, где ещё. – Эстер уже примеряла василькового цвета блузку, что прикупила для меня мама, и, не сдерживая смешков, крутилась перед зеркалом. – Так что? Какой план

побега из новой тюрьмы?

– Нет никакого плана! – Я раздражённо бросила опустевший рюкзак на кресло, и в тот же миг из его переднего кармана вылетел сложенный вчетверо клочок помятой бумаги. Логотип скрещенных гитар, обвитых плющом, и ярко-красная надпись «Far-between» не могли не привлечь внимание.

– Что это? – я развернула листовку и, хмурясь, уставилась в пригласительный билет, выданный на имя Мики.

Эстер проследила за мной глазами, безразлично пожала плечами и вернулась к разбору моего гардероба:

– Думала, мой брат не совсем идиот. Но... не на одну тебя вчера наорали, стоило мне раскрыть рот на тему: «Ты не имеешь права не воспользоваться этим шансом и ещё тысяча и одна причина, по которой ты не должен был выбрасывать пригласительный и становиться законченным придурком». Как-то так.

– Ты подобрала его? – я всё ещё таращилась в помятую листовку, сообщающую о том, что первый отборочный тур состоится третьего июня, то есть послезавтра, в главном здании Victory Records.

– Ну да, – будничным тоном отозвалась Эстер, примеряя чёрную юбку-карандаш, которая совершенно точно не сойдётся на её пышной попке. – Говорю ж, рассчитывала на то, что у твоего парня окажется больше мозгов, чем он всем нам пытается демонстрировать.

Чёрт! Да это один шанс на миллион! И пусть я не фанатка

FB, а их последний альбом и вовсе дерьмо редкостное, и да, эти парни уже не на пике своей популярности, и можно догадаться, к чему была организована вся эта мишура с телевизионным шоу. Но мы просто обязаны воспользоваться шансом! Просто не имеем права упустить эту возможность! И для того, чтобы «Пончиков» заметили, Мики вовсе не обязательно становиться новым гитаристом Far-between!

Наконец оторвав взгляд от пригласительного, я сосредоточенно поглядела на подругу. Та замерла, явно не увидев на моём лице ничего хорошего.

– О, нет. Мне не нравится этот взгляд! – Эстер отрицательно помотала головой и отбросила юбку в сторону. – Только не говори, что этот пригласительный каким-то чудесным образом сможет избавить тебя от заточения в пенсильванской тюрьме. Потому что сейчас это главное, о чём мы должны думать, Лекса, а не о каком-то там отборе!

На моих губах очень медленно растягивалась зловещая улыбка:

– Нет, моя дорогая Эстер, от заточения в пенсильванской тюрьме меня избавишь ты, а этот пригласительный не просто поможет мне с успехом скрыться в Лос-Анджелесе, но ещё и пройдёт дорогу на большую сцену для Мики, да и... для всех «Адских пончиков». – Я уверенно закивала, наблюдая, как вся кровь отливает от лица подруги, а глаза в ужасе расширяются.

Многозначительно поиграв бровями, вложила листовку в

ладонь Эстер:

– Шанс. Это наш шанс. И я, в отличие от твоего брата, не собираюсь от него отказываться. Вот увидишь, Мики ещё нам обеим скажет спасибо, когда «Пончиков» закидают предложениями о заключении контракта.

Теперь лицо Эстер начало хмуриться:

– Слушай, хоть я и считаюсь вашим неофициальным менеджером, но вот серьёзно, о чём ты вообще говоришь? У тебя в голове взрыв случился? Как *это*, – она яростно потрясла пригластительным, – поможет нам со всем разобраться? И если ты не заметила, на шоу пригласили Мики! Или ты его накачать чем-нибудь собралась и отвести туда, пока он синий от красного отличить будет не в состоянии?

Я самодовольно хмыкнула и решительно опустила руки подруге на плечи:

– А что, если у Мики вдруг появится... двойник?

– Что, прости?

– Ты слышала.

– Нет. Не слышала. И не хочу слышать.

– Слышала-слышала!

– Нет.

– Да, Эстер!

– Нет.

– Точно тебе говорю – да!

– Не-е-ет... – Эстер медленно качала головой. – Лекса, только не говори... Ты ведь... Ты ведь не собираешься сде-

лать то, о чём я подумала? Потому что я...

– Ты со мной? – воодушевлённо перебила я, пытаюсь отыскать ответ в её карих глазах. – Как всегда? Потому что ты нужна мне, Эс. Без тебя я не справлюсь, ты знаешь.

Эстер не отвечала. Продолжала мотать головой:

– Это безумие... Ты – безумна. Нет, ты – БОЛЬНА!

– Ты подписалась на это безумие ещё в тот момент, когда стала моей подругой, – улыбнулась я. – Много-много лет назад. Так что просто скажи: ты со мной в этот раз или нет?

Эстер набрала в грудь побольше воздуха и медленно выдохнула, всё ещё продолжая отрицательно качать своей милой головкой:

– Я надеюсь, твой план будет идеален, Лекса. Иначе... иначе эта выходка станет последней в нашей жизни.

– Так ты согласна?

– Нет.

– Да-а-а!

– НЕТ!

– Я люблю тебя, Эстер.

– Чтоб тебя разорвало!

* * *

Что ж, а вот с этого момента, пожалуй, начинается самое интересное.

– Чёрт. До сих пор не верю, что мы это делаем.

– Да я и сама не верю, – улыбнулась я, в предвкушении потирая вспотевшие ладони.

– Моя лучшая подруга ненормальная! Кому расскажи, а?

– Ну ты ведь со мной, значит, и ты ненормальная, – нервно посмеивалась я, сидя на заднем сиденье авто папиных «гладиаторов». На этот раз с нами был лишь один охранник.

Эстер взглянула на часы, затем на водителя и сверкнула обворожительно-фальшивой улыбочкой, на которую только слепой или гомосексуалист не клюнет. Она актриса. И, надо сказать, – отличная! И сейчас эта актриса приводит в действие первую часть моего плана.

– Заки, поднажми, а? – пролепетала Эстер, и Заки – молодой парень, работающий на моего отца около шести месяцев, вдавил педаль в пол.

Заки без ума от Эстер. Иногда мне даже жаль его. Всё это время он тщетно пытался пригласить её на свидание, но каждый раз получал от ворот поворот. И вот чудеса! Теперь Эс с ним сама милота!

У бедняги даже уши покраснели от счастья.

– Слушай, если не уверена, ты можешь дать заднюю, – заверила я Эстер, невинно хлопая ресницами.

Карие глаза моей подруги недобро прищурились и она злобно фыркнула:

– Вот зачем ты это говоришь? Просто для того, чтобы я не считала тебя вконец сумасшедшей? И так ведь знаешь,

что никакую заднюю я не дам. И плевать, насколько велико твоё сумасшествие. Хотя... – Эстер задумчиво приподняла брови, – на твоём месте я бы всё же подыскала себе хорошего психиатра.

Я весело усмехнулась, и Эстер одарила меня сдержанной улыбкой.

– Эсэмэс от Дылды пришло. – Она взглянула в свой мобильный. – Пишет, что документ о зачислении тебя на продвинутый курс по изучению иностранных языков в глуши Пенсильвании почти подделан. А ещё... ещё о том, что мне до конца жизни с ним не расплатиться. – Эстер одарила меня тяжёлым взглядом из-под бровей. – А кто будет расплачиваться со мной?

– Наша дружба – уже награда, – философски заметила я.

– Рано или поздно всё это дерьмо всплывёт, Лекс. И тогда, боюсь, что даже моего таланта окажется недостаточно, чтобы прикрыть твой тощий зад.

Я злобно прищурилась:

– У кого это он тощий?

Эстер закатила глаза:

– Ты неисправима! И не хочу показаться занудой, но вся эта затея напоминает мне какое-то безумное развлечение, а не гениальный план. С трудом верится, что таким образом боги с музыкального олимпа обратят на «Пончиков» своё внимание.

– Ну, стопроцентной уверенности и у меня нет, – с задум-

чивым видом почёсывая подбородок, я поглядела в окно, – но я уж постараюсь сделать всё, чтобы прославить имя твоего брата, даю слово!

Схема проста как мир: дойти до полуфинала, максимально засветившись на шоу, а потом «слиться» и подарить другим музыкальным агентствам шанс заключить контракт с megакрутым гитаристом, коим я должна буду себя зарекомендовать. Я знаю, как это работает. И когда меня закидают предложениями, тут-то и скажу им: «Эй, парни! Хотите получить меня, берите комплект из всех «Пончиков»!» Точнее, не я скажу, а Мики скажет, потому что придётся поменяться местами обратно, иначе проблем точно не избежать.

– Эй, что с лицом? – Эстер заметила мою нервозность. – Куда вдруг испарилась вся уверенность?

– Что, если я облажаюсь и от этого пострадает репутация Мики? – Вот она – причина, которая всё ещё заставляет меня тормозить.

– Шутишь? – Брови Эстер недоумевающе приподнялись. – Нашла по какому поводу беспокоиться. Ты лучшая в своём деле! Только глухой, законченный идиот или твои родители не в состоянии разглядеть твой талант! Да ты гений, чёрт возьми, и даже не вздумай говорить, что это не так! Ты чёртов гениальный музыкант! Если эти жлобы из Victory Records и искали кого-то на высочайшем уровне для Far-between, то ты – идеальная кандидатура! Вот только... жаль, что девушка. И жаль, что из-за своих правил они тебя нико-

гда не получают. И вообще, почему я говорю твоими словами?

Приятно, конечно, когда лучшая подруга так в тебя верит. Вот только... даже не знаю, как сказать. Я не уверена в том, что любовь Мики к нам обоим настолько велика, что он станет, стиснув зубы, молча наблюдать за тем, как его имя и отдалённо похожий образ будет мелькать на TV.

В миллионный раз тяжело вздохнула и кивнула на деревянный чемоданчик у Эстер на коленях:

– Ну а это что за маленький гробик?

– Это, – улыбка моей подруги стала шире и уверенней, – то, что в силах превратить тебя в моего старшего брата.

Эстер пообещала Заки целое лето свиданий и даже поцелуй сразу после того, как он избавится от остальной охраны и якобы лично проводит меня до терминала в аэропорту. Провернуть это было не просто, но слава богам, мои родители ещё вчера улетели в Вашингтон, и обманывать главного надзирателя не пришлось. Всего-то его церберов. А это мы с Эстер отлично умеем делать.

– Видишь, я же говорила. Заки ради тебя даже на убийство с расчленёнкой пойдёт, – ухмыльнулась я, загружаясь в такси, после того как Эстер попрощалась с Заки долгим поцелуем на публике. – Теперь твой храбрый рыцарь передаст своему королю, что его холоп успешно сел в самолёт и уже на пути в тюрьму своей мечты!

– Сейчас расплачусь от счастья, – Эстер вытерла губы тыльной стороной ладони и стрельнула в меня ледяным

взглядом, – теперь ты у меня в крупном долгу, холоп!

– Можешь забирать все что хочешь из моего гардероба.

– Спасибо. Так и поступлю.

– Вот и договорились.

– Ногти? – поинтересовалась Эстер сразу после того, как такси тронулось.

– В порядке, – продемонстрировала ей короткие ноготки без лака.

– Хорошо. Теперь дело за волшебным чемоданчиком!

Накладные брови, бакенбарды, светлый парик с растрёпанными, как у Мики, светлыми волосами. Точь-в-точь, как на фото из его документов. И всё это реквизиты профессиональных актёров.

– Даже если кто-нибудь дёрнет тебя за волосы, парик останется на месте, – с важностью сообщила Эстер. – Он современный и прочно сидит, можешь не заморачиваться по этому поводу.

Бандаж для груди, широкая футболка и узкие джинсы моего парня, которые пришлось слегка подкатать. И вуаля!

– Может, это и вправду знак судьбы? – Эстер задумчиво оглядывала меня с ног до головы. – У вас с Мики практически один рост. Похожего оттенка волосы. Глаза... м-м... ну, скажем, на фото освещение было неудачное, вот и кажутся зелёными, а не голубыми, так что линзы не предлагаю, намучаешься с ними. А в остальном... чёрт, да вы как близнецы! Может, нас в роддоме перепутали и ты его сестра, а не я?

Я застыла на полувдохе.

– Да ладно тебе. – Эстер похлопала меня по плечу. – Чем раньше времени расстраиваться? Будем верить, что вы не жертвы инцеста.

– А ты не дочь сенатора и не невеста помешанного на еде бегемота, – хмыкнула я, и Эстер тут же прекратила скалиться.

Такси остановилось напротив главного здания Victory Records, и жгучая брюнетка и я, смазливый блондинчик, оказались под палящим солнцем Лос-Анджелеса, прямо перед толпой самых сексапильных, самых привлекательных отборных красавчиков с гитарами за спинами, которых подбирало для первого тура агентство.

– Ох, египетские пирамиды... – Вдруг захотелось, чтобы время замедлилось и позволило вдоволь насладиться зрелищем. Нет, ну а когда ещё такое можно будет увидеть?

– Боже... сегодня лучший день в моей жизни, – Эстер блестящими глазами оглядывала парней, которые и её вниманием не обделяли. – Это рай? Я умерла?... Лекс, почему они все так сияют? Смотреть больно...

– Может, заодно устроим кастинг на роль твоего парня?

– Шутишь? С такими кандидатами он будет длиться до конца века!

Я забросила руку на плечи подруге, грубо притянула к себе и придала голосу баса:

– Эй, детка, я только что уничтожил все шансы на твой

успех. Кастинга не будет, ты вся моя. Где твой рюкзак с презервативами?

– Вообще-то, ты мой брат. Ещё раз назовёшь меня деткой, и я имею полное право тебе врезать, – Эстер изобразила подобие улыбки и первой зашагала к главному входу. – О, смотри-ка, а вон и фургончик MTV!

– Вау! Да ладно? Мне прям полегчало!

Я шагала следом, чувствуя себя совершенно неуверенно в новом образе. Бездумно ввязалась в эту игру, надеясь, что все эти парни не разглядят во мне девушку?

Чёрт! Да ладно! Сама себя в зеркале не узнала. С ума сойти! Да я не просто парень! Я самый настоящий мальчик-цветочек, которыми так славится Южная Корея (вчера полдня справки наводила)! Да моей смазливости сам Зак Эфрон позавидует!

– Ну что, принц Калифорнии, готов к покорению мира? – зашептала мне на ухо Эстер, двигаясь в очереди к регистрационному столику.

Я поправила на плече чехол с гитарой и оглядела огромный холл Victory Records, оформленный в современном стиле. Ровные линии – никаких изгибов, светлые стены, высокие потолки с множеством светильников и тёмный отполированный пол. А больше всего внимание привлекало бесчисленное количество плакатов под пластиковыми экранами с изображениями знаменитостей в полный рост – подопечных музыкального агентства. Шею чуть не скрутила, рассматри-

вая. О! И Far-between здесь же – в составе из четырёх человек. Уже без Шейна и без тех временных гитаристов, которые менялись у них на протяжении последних четырёх лет.

Регистрация без проблем была пройдена, я прилепила на свою плоскую грудь наклейку с номером «107» и широко улыбнулась.

– Только перед судьями так не улыбайся, – Эстер скептически изогнула бровь. – Решат, что ты их клеишь.

– Внимание! Всех, кто прошёл регистрацию, прошу не задерживаться в холле и сразу проходить в зал ожидания! Откуда вас пригласят на суд жюри! Первый отборочный тур уже начался! – огласил ассистент в чёрной футболке с белой картинкой скрещенных на груди гитар, и мы с Эстер направились в нужную сторону.

– Главное, не забудь своё новое имя, – шептала она, держа меня под руку. – И голос делай грубее. Во всём остальном веди себя, как обычно. Это шоу. Им нужны яркие личности. Так что не стесняйся говорить, что думаешь – это ты отлично умеешь.

– О, детка, да ты сегодня мастер комплиментов.

– Напомни-ка мне ещё раз, что мы здесь делаем?

– Пробиваем дорогу для «Пончиков».

– Хочу за это выпить. – Эстер огляделась по сторонам. – Интересно, у них здесь бар есть?

– За эту дверь сопровождающим нельзя, – сообщила девушка у входа в зал ожидания. – Только участники первого

тура. Там идут съёмки.

– Ну что, *Мики*, готов к интервью? – после вдохновляющего напутствия Эстер положила руки мне на плечи и внимательно заглянула в глаза.

– Вот когда ты на меня такмотришь, хочется сжаться в клубочек и укатиться под колёса ближайшего автобуса.

– То, что надо! – хмыкнула Эстер и оставила меня одну. Бар, наверное, искать пошла в здание музыкального агентства, где полно несовершеннолетних.

Я помедлила у входа в зал, давая себе последний шанс на то, чтобы одуматься. Но, переступив порог, тут же наткнулась на большую камеру, направленную в моё лицо, а рядом с ней невысокую красноволосую женщину в голубом облегающем платье.

– Постой-ка, Бен! Не выключай камеру! – бодренько командовала она своему оператору, оглядывая меня с ног до головы оценивающим взглядом. – Вы только посмотрите на его мордашку. Дорогой, ты к нам откуда свалился? С небес? Где же твои крылья, ангелочек?

Глава 5

Анемона – известная ведущая MTV, вцепилась в мой локоть, поволокла в глубь зала и велела занять место под одним из ярко горящих прожекторов.

– Что за сбои у них с этой системой кондиционирования? – ворчала ведущая, поправляя макияж. – Я не могу так работать.

И вправду жарковато. О, а вон и столик с прохладительными напитками.

Навострила лыжи...

– Эй, парень, куда собрался?

– Эм... – пожала плечами и «включила бас-режим». – Попить.

– Успеешь. Встань на место. Сейчас начнём интервью. Не знаю, как ты играешь, – тараторила Анемона, припудривая носик, – но я не могу не взять у такого милашки интервью. Девчонкам ты точно понравишься, а у нас рейтинги, сам понимаешь.

Ну вот и куда засунуть этот приступ нездорового смеха, рвущийся изнутри? Сама Анемона клюнула на удочку! А я стою и улыбаюсь, как полная идиотка: то ли от накатывающего адреналина, то ли потому, что забавно её слушать, то ли от собственного безрассудства!

– Готов? Сейчас начнём. Веди себя естественно, парень.

Бренчание гитар отовсюду мешало сосредоточиться. Разговоры участников и выкрики ассистентов только подливали масла в огонь – боялась растеряться в самый неудачный момент. А ещё это нервное состояние, граничащее с приступом нездорового смеха... Да уж, пожалуй, эта моя выходка войдёт в историю.

Так. Спокойно.

– Я мужик. Крутой мужик. Суперклёвый парень! – тихо бормотала я себе под нос.

– Перед нами участник номер сто семь! – звонко объявила Анемона, работая на камеру, и протянула микрофон к моему лицу. – Милый, представься, пожалуйста?

«Милый?»

Боже... да ладно вам!

Анемона выразительно поиграла бровями, затем резко выдохнула и велела оператору опустить камеру.

Уставилась на меня:

– Что непонятно?

Я замотала головой. Челюсти уже болели от напряжения в попытках сдерживать смех.

– Малыш, – вздохнув, обратилась ко мне ведущая. – Давай по-честному. Ты хоть и выделяешься на общем фоне брутальных мачо, но знаешь, какое количество интервью мне сегодня ещё предстоит провести? И мне абсолютно не важно, сообразительный ты или глупый, как пробка. Просто чеши

языком – это всё, что требуется.

Камера вновь направилась на меня.

– Итак, – расплылась в улыбке ведущая. – Как зовут нашего прелестного ангелочка?

Боже. Запустите в неё кто-нибудь ботинком!

– Ми-мики, – из-за подкатывающего к горлу смеха слова вылетали отрывками, но, видимо, Анемона решила, что это я так сильно нервничаю.

– Так, ладно. Успокойся. Мы это вырежем. Глубоко вдохни. Теперь медленно выдохни, – она похлопала меня по груди, отчего я тут же выгнула спину колесом, – молодец. А теперь спокойно, уверенно отвечаем на вопросы. Хорошо? Вот и зайка.

«ЗАЙКА?»

– Мики? – прервала мой смех Анемона, резко опустив микрофон. – Да что с тобой такое? С головой не дружишь? Ты на интервью, парень! Дверью не ошибся? Или обнюхался чего?

Так, а вот это уже не очень смешно.

«Мики. Мики. Думать о Мики».

Глубоко вздохнула и приняла сосредоточенный вид:

– Что вы там спросили?

– Стандартные вопросы. Откуда ты?

– Из Лос-Анджелеса.

– Что привело тебя на шоу «Только играй»?

Я не совсем поняла вопрос. Пожала плечами и прибавила

голосу баса:

– То же, что и всех. Меня отобрали для первого тура. Разве в этот раз не так всё происходит?

Анемона искусственно улыбнулась шире и непонимающе захлопала ресницами:

– Что ты имеешь в виду?

«А мы вообще об одном и том же тут толкуем?»

– То, что меня отобрали представители агентства. И вот я здесь. Та-дам! – Я всплеснула руками и натянула на лицо вежливую улыбку.

Анемона выдержала паузу и продолжила говорить на эту же тему, глядя в камеру:

– Музыкальное шоу «Только играй» – это шанс для каждого талантливого музыканта. Независимо от возраста, цвета кожи и того, насколько вы привлекательны...

Ну-ну. Что-то подобное я читала в пригласительном. Вот же чушь. Заученный текст. Дезинформация. Называйте, как хотите.

– Тогда почему вокруг нет ни одного толстого, ни одного низкого, прыщавого или лысого? – не имея в виду ничего осуждающего, усмехнулась я.

Анемона смерила меня гневным взглядом и незаметно ущипнула за правый бок – за синяк, полученный от удара бампером лимузина, и я тут же пискнула, как девчонка, впервые увидавшая сороконожку.

Откашлялась, строго взглянула на ведущую и вновь заго-

ворила басом:

– У меня кожа чувствительная.

– А у нас тут съемка, между прочим. – Красные губы Анемоны недобро поджались, и она взглянула на оператора: – Это не снимай. Мики. Всё, что от тебя требуется, это отвечать на элементарные вопросы односложными ответами. Поверь, в тот момент, когда твоё глупое, но милое личико появится на экранах, никто даже слушать не станет, что там вылетает из твоего ротика. Так что сделай одолжение, не напрягайся, мальчик. Никому не нужны твои правдивые ответы и тем более твоё мнение насчёт участников первого тура. Говорю тебе это не чтоб обидеть, а потому что так оно и есть.

А вот тут я зависла.

– Ещё один идиот, – вздохнула Анемона, оглядывая зал для выбора новой жертвы. – Откуда вы только берётесь такие?

Я невесело усмехнулась:

– В таком случае вот вам моё идиотское мнение. Если никто не будет меня слушать, как вы говорите, могу ли я прямым текстом заявить на камеру, что корейский лейбл R. Q. Entertainment не из тех, кто будет довольствоваться кем попало на своём отборе? А ещё о том, что кастинг в Лос-Анджелесе был организован с целью отвода глаз от падения FB с лидирующих позиций со всех чартов, потому что их штат композиторов облажался по всем пунктам? Или это секрет?.. И да, вы совершенно правы, что стать новым гитаристом мо-

жет даже престарелый грязный попрошайка с улицы, умело бьющий по струнам! Ведь FB совершенно ни к чему свежее лицо для привлечения фанатов. А ещё стоит заметить, что и у ведущей MTV дела идут совсем неважно или по какой ещё причине она вдруг стала такой стервой?

Лицо Анемоны застыло со вздёрнутыми на лоб бровями и застывшей полуулыбкой на губах, уголок которых подёргивался. Камера в руках оператора медленно опустилась. А я продолжала невинно улыбаться, нисколько не смущаясь того, что сказала.

Меня ведь всё равно никто не будет слушать.

– Интервью закончено? – Всё так же вежливо улыбаясь, я подхватила с пола гитару и зашагала прочь от прожектора. – Пойду водички попою.

– Эй, парень! – прозвучал вдруг голос Анемоны. Я обернулась. – Ты вообще знаешь куда пришёл?

– На кастинг гитариста для FB. Разве нет?

Анемона приблизилась ко мне, сложила руки на груди и потешно усмехнулась, приподняв голову, так как ростом с трудом доставала до моего подбородка:

– А разве не ты пару секунд назад сказал, что песни FB и всё их агентство – дерьмо собачье?

– М-м... я не совсем так сказал.

– Суть не меняется. – Бровь Анемоны озадаченно изогнулась. – Вот я и спрашиваю: как тебя сюда занесло?

– Тёплым ветерком Лос-Анджелеса, – я пожала плечами,

и вдруг ведущая предостерегающе улыбнулась.

– Таким, как ты, здесь не место, парень. Только не в FB. Там твоя правда никому не нужна. Послушай добрый совет. Мои брови невольно нахмурились:

– Таким, как я?

– Именно, – кивнула Анемона. – FB принадлежат R. Q. Entertainment, а директор этого лейбла о-о-очень не любит тех, кто не соблюдает правила. Так что не трать зря время. Тебе здесь не выжить. И да... за идиота прости. Погорячилась.

Получила у ассистента анкету участника, заполнила и устроилась на одном из пластиковых стульев ожидать своей очереди. Опустила гитару на пол и украдкой оглядела парней.

Как хорошо, что у меня есть Мики. Представить страшно, какое количество слюней пролилось бы на пол, окажись я здесь свободной девушкой. Ещё ни разу в жизни не видела столько красавчиков в одном месте!

Уткнулась взглядом на свои руки. Да, вот так гораздо лучше. Нечего соблазняться.

К дверям в зал прослушивания меня пригласили спустя два часа. Я даже подремать успела. Это, кстати, одна из моих вредных привычек: могу уснуть где угодно и под какой угодно шум. Разбудила меня девушка-ассистент с сообщением о том, что номер сто семь уже как несколько минут назад зажегся на электронном табло над дверью.

Вытерла слюни с подбородка и бодренько поднялась на ноги.

Девушка-ассистент весело захихикала и не сводила с меня глаз, пока провожала до дверей в зал прослушивания:

– А ты в себе уверен.

– О чём это ты?

– Ты, наверное, единственный парень из всех присутствующих, который, вместо того чтобы упражняться на гитаре, решил поспать, – и она вновь захихикала.

– А, ты об этом, – улыбнулась я ей. – Мне это ни к чему.

– Судьи ждут, – девушка кивнула на дверь. – Удачи!

– Спасибо. – Что это было? Она заигрывала со мной? Ох, японский бог, до чего ж я докатилась.

И уже положила ладонь на дверную ручку, как голос ассистентки раздался вновь:

– Да, совсем забыла. Тот парень, – она кивнула на кого-то в толпе, – просил передать слова благодарности за то, что ты одолжил ему гитару порепетировать.

– Что?! – Я прощупала свой чехол с гитарой. На месте.

Я что-то пропустила?

Глава 6

– Номер сто семь, – поприветствовал меня один из судей, приглашая наконец переступить через порог и закрыть за собой дверь.

В глаза ударил свет от двух высоких прожекторов. Рядом несколько камер, готовых к съёмкам. Нахожусь по центру небольшого помещения со светлыми стенами и широкими окнами. Прямо передо мной длинный, но узкий стол в виде буквы С. А за ним восемь человек, и все внимательно смотрят на меня.

Я сделала глубокий вздох, приводя себя в чувства.

Судьи по правую от меня руку заметно оживились и даже начали переговариваться. Вот тут-то моё зрение наконец пришло в норму. Божечки, да это же FB собственной персоной! Я одна не знала, что они будут в жюри? А расфуфыренные-то какие! Все в белом, и для причёсок лака точно не пожалели.

– Это шутка такая? – Ин Хо выглядел недоумевающе. Толкнул Джареда локтем в бок и, не сводя с меня глаз, добавил: – Разве наша группа в большей степени не рассчитана на женскую аудиторию? Кто пригласил представителя секс-меньшинств?

«Чего-о-о? Кем это меня только что обозвали?!»

– Эй, Патрик, ты своего младшего брата на кастинг при-

вёл?

– Почему ты всех блондинов называешь моими братьями? – прорычал Патрик, а Джаред тихонько посмеивался в кулак и, судя по блестящему взгляду, был готов повеселиться. Наслышана я об этом инфантильном парне с иссиня-чёрными волосами. Говорят, с годами вообще не меняется – детство в попке так и играет, хоть и за плечами магистратура одного из лучших корейских университетов.

– Решили утомить судей ожиданием, номер сто семь? – поинтересовалась у меня жалкая пародия на Элвиса Пресли. Мистер Вонг собственной персоной восседал за столом по центру, рядом с Калобом и перевёрнутым в мою сторону для чего-то открытым ноутбуком, и изучающе скользил глазами по моей фигуре.

«Хм... может, представители секс-меньшинств среди нас и присутствуют».

Я прочистила горло, покрепче вцепилась пальцами в чехол с гитарой, чтобы не дай бог не заметили, как дрожат руки, и максимальным басом ответила:

– Уснул.

– Уснул вместо того, чтобы репетировать? – Брови единственной женщины среди судей недоумевающе вздёрнулись. Понятия не имею, кто эта тощая блондинка средних лет с алыми губами и ярким макияжем, но на первый взгляд – довольно неприятная особа.

– Да. Со мной такое часто бывает, – я пожала плечами и

внезапно встретила взглядом с Калемом.

Лучше бы не встречалась.

Какая муха его укусила? Смотрит так, будто я ему минуту назад пинка под зад дала.

Калем небрежно провёл рукой по волосам, тяжело и безрадостно вздохнул и, откинувшись на спинку стула, переложил верхний лист бумаги в самый низ толстой стопки.

«Уж не мою ли это анкетку забраковали?»

– Времени в обрез. Давайте продолжим, – мужчина с впалыми щеками уткнулся взглядом в мою анкету и велел всем последовать его примеру. Тот самый, который был вместе с Вонгом на нашем выступлении в клубе, графа Дракулу напоминает. И, как и ожидалось, ни один, ни другой не озадачены переменами во внешности Мики. Значит, совершенно его не помнят.

– Начинаем съёмку. – Мистер Вонг вперился в меня внимательным взглядом. – Номер сто семь. Представьтесь, пожалуйста.

– Ал... – «Чёрт. Ал?! Что я несу?!» – ...лекс.

– Что-что, простите?

– Ал... лекс, – тупо повторила я, мысленно поздравляя себя с самым фееричным и молниеносным провалом в жизни.

– Алекс? – переспросил четвёртый судья – блондин лет пятидесяти, очень похожий на одного известного музыкального критика. – Но в вашей анкете указано, что вас зовут... простите, Микеланджело Харпер?

– Эм... ну да. Это... вроде как моё имя, – до боли покусывая нижнюю губу, я оглядела телячьим взглядом каждого из судей. – Алекс это... псевдоним. Сценический. Иногда... иногда им пользуюсь.

– Ещё бы, – не сдержал смеха Патрик, покусывая передними зубами карандаш, – я бы с таким имечком вообще из дома не выходил. Без обид, чувак.

– Всё путём, чувак, – я взмахнула рукой в реперском стиле и, слегка втянув шею в плечи, качнула головой. Всё, как Эстер учила.

Судя по конскому смеху Джареда – глупое вышло зрелище.

– Кто этот пришелец? – гоготал он, тыкая в меня пальцем.

– Это ваше настоящее имя? – игнорировали веселье FB взрослые судьи.

– Да, – кивнула я.

И я не вру. Родители Мики в самом деле назвали сына Микеланджело, это не шутка. И вы ещё не слышали полного имени Эстер. Вот там уж точно хохма!

– Обращайтесь ко мне просто Мики. Так будет проще.

– Мики, – кивнул Вонг, делая пометку в анкете. – Что ж, хорошо. Следующий вопрос...

– Я буду Леонардо! – донёсся до ушей приглушённый спор Джареда и Патрика.

– Нет, я буду Леонардо, а ты Рафаэль! – стоял на своём Джаред. – Ин Хо Донателло назначим.

– А Калеба?

– Он не поймёт. Слишком тонкий юмор.

– А-а-а...

– Мики, – обращался ко мне мистер Вонг, скользя глазами по анкете, – родом из Лос-Анджелеса, полных двадцать два года, окончил музыкальный колледж искусств, учился на композитора современной музыки. Так. С этим хорошо... м-м... в данный момент является ритм-гитаристом и фронтменом калифорнийской панк-рок-группы... «Адские пончики»?

– Всё верно, – ответила я на удивлённый взгляд Вонга.

– Занимательное название.

– Мне всё больше и больше нравится этот чудик, – усмехался Джаред с Патриком на пару.

Сбоку послышался раздражённый вздох Калеба:

– Может, перейдём уже к делу?

Ещё ни разу при мне этот парень не улыбнулся как следует своей фирменной белоснежной улыбкой полной доброжелательности. Помнится мне, именно эта деталь в его образе и покорила сердце Эстер. И где же сейчас его улыбка? В Корее забыл?

– Хорошо, – мистер Вонг отложил анкету в сторону и кивнул на мою гитару. – Что будете исполнять?

– The Jimi Hendrix Experience «Voodoo Child».

И вдруг воцарилась поразительная тишина. Даже смешки Джареда прекратились.

– О, прошу, давайте без этого, – первой заговорила судья-блондинка, ударив своими длинными ногтищами по глянцевой столешнице. – Пустая трата времени. Не хочу слушать, как кто-то в третий раз пытается повторить легендарного гитариста. Это просто смешно. И бесполезно. – И она, как и Кaleb недавно, переложила мою анкету в самый низ стопки.

И тут началась возня.

– Мы должны его послушать, – уверял всех Вонг. – Он полноправный кандидат.

Кажется, мистер Вонг только что заработал от меня плюси́к в свою карму.

– Да этот парень проснулся две минуты назад! – стояла на своём блондинка, посмеиваясь. – Даже не порепетировав! И замахнулся на самого Джимми Хендрикса! Вам что, ни капли своего времени не жаль?

– Мы сейчас тратим больше времени на споры, – вступил в разговор музыкальный критик и взглянул на меня: – Прошу, доставайте инструмент и приступайте.

– Серьёзно? – откровенно насмехалась блондинка. – А что скажет лидер группы? Ему это надо? – И все взгляды устремились на Калеба.

Тот с мрачным видом откинулся на спинку стула и, сложив руки на груди, одарил меня незаинтересованным взглядом:

– Мне без разницы, как он играет. Его типаж нам не под-

ходит.

Я злобно сощурила глаза.

– Согласен с Калемом, – поддержал его Ин Хо. – Он на девчонку похож.

Мистер Вонг шумно вздохнул и вновь взглянул в мою анкету:

– С какого возраста, вы говорите, играете на гитаре?

Мики играет едва ли не с самого рождения, а я с шести лет. Можно сказать, с того самого дня, когда Эстер впервые пригласила меня к себе домой и там состоялось моё знакомство не только с её старшим братом (с которым мы, к слову, много лет ненавидели друг друга), но и с их дедушкой. Он-то и учил меня игре на гитаре втайне от моих родителей. Великий был музыкант. Три года назад его не стало, и я продолжила свои занятия уже с другим человеком – с наставником Мики из колледжа, тоже втайне от предков, но могу с уверенностью заявить, что всё, что я знаю и умею, заслуга дедушки Мики. Он-то и разглядел во мне талант к музыке, в то время когда родители устраивали мою спортивную карьеру.

– С шести лет, – ответила я честно.

– Давайте уже его послушаем, – предложил Граф Дракула. – Поверьте, так мы быстрее со всем разберёмся.

– Согласен, – уверенно заговорила я, расчехляя гитару, – давайте я вам просто сыграю...

– На чём? – вдруг раздался смех Ин Хо. – На порванных струнах?

Вот и конец моему «гениальному» плану.

Мне порвали струны. Все пять струн на винтажном Gibson Les Paul – оригинальной гитаре времён 80-х, с корпусом цвета океана и характерным рисунком в виде ряби. Эту гитару подарил мне дед Мики незадолго до смерти. И, думаю, мне одной известно, сколько сил и любви он вложил в этот инструмент, чтобы сохранить одну из своих любимых гитар в целости и сохранности. Это не просто гитара. Нет... Это целая история! Это наследие! Легенда! И бесценный подарок учителя своему ученику.

И кто-то порвал на ней все струны. Безжалостно! Словно кусачками перекусил!

Просто возьму и убью эту сволочь.

– Вы не проверили инструмент перед походом на отбор? – посмеивалась блондинка, глядя на меня, как на самое жалкое существо на свете. – Ну, это уже, знаете, верх безответственности!

– Мне их порезали уже здесь, – едва слышно просипела я, растерянно глядя то на гитару, то на судей.

– Нам не нужны ваши оправдания, – строго изрёк Граф Дракула. – Сюзи права. Вы проявили себя крайне безответственно. Неважно, кто повредил ваш инструмент, неважно, как вы сыграете, ваши личные качества нам не подходят. Вы должны понимать это. Всего доброго.

«Вот и отчитали, как котёнка. Подремала, называется! Так. Спокойно. Главное, что с гитарой всё в порядке – стру-

ны можно заменить. А вот отборочный тур... Ну да, здесь я с треском провалилась. Как выйду за дверь, отсалютую сама себе».

– Это ведь Gibson Les Paul Custom, если не ошибаюсь? Года эдак восемьдесят седьмого? – музыкальный критик заинтеригованно глядел на мой инструмент. – Неужели оригинал?

– Восьмидесятого года выпуска, – поправила я внезапно севшим голосом.

Глаза критика вспыхнули, как бриллианты на солнце:

– Бог мой! Да это же эталон среди соло-гитар! Жирный закомпрессированный звук, сочные обертона и длительный сустейн вкупе с высокой читаемостью нот делают этот инструмент недостижимым для большинства существующих моделей. Позвольте спросить, почему в вашей группе вы исполняете роль ритм-гитариста, а не соло?

Но ответить мне не дали. Может, и хорошо.

– О, Валдис, прошу, избавьте нас от этого, – застонала Сюзи, обмахиваясь листом бумаги. – Это уже не имеет никакого значения. Спасибо, молодой человек, вы можете быть свободны. И в следующий раз, если такой случится, советую не спать, когда вокруг столько конкурентов. Мир шоу-бизнеса жесток, знаете ли. Нужно быть хитрым и умным, а вы... слишком очевидны и просты.

«О, да. Это точно. Знала бы ты, что у меня грудь куском тряпки перемотана!»

– Потрясающе... – музыкальный критик не сводил блестя-

щих глаз с моей гитары. И, надо сказать, не один он. Теперь понятно, к чему этот сноб Кaleb равнодушен. Гитарка-то моя ему приглянулась. В отличие от её владельца.

– Мики, – сочувственно заговорил Вонг. – Мне жаль, но вы не проходите дальше. Можете быть свободны.

– Но если вы дадите мне другой инструмент... – я всё ещё пыталась бороться, – любой! Играть-то ведь я всё ещё могу...

– Не обсуждается, – затрясла головой Сюзи. – Давайте не будем больше тратить время друг друга.

И больше никто не встал на мою защиту.

Дермовый у меня оказался план.

Пойду поищу бар.

Застегнула чехол с гитарой и направилась к двери, как тут...

– Постойте! Это правда? – Огромными глазами Вонг глядел в мою анкету. – То, что здесь написано, правда? У вас... абсолютный музыкальный слух?

– Ну да, – я пожала плечами в стиле: «А что тут такого?»

– И почему вы раньше не сказали?!

Я замешкалась. Если честно, как-то и не думала этим хвалиться. Я хотела играть для них, чтобы продемонстрировать свои умения, ведь абсолютный слух ещё не говорит об уровне техники гитариста.

– Так вы поэтому не репетировали в зале ожидания? – усмехнулся музыкальный критик, принимая расслабленную

позу в кресле, и тут краем глаза я заметила, как Калёб плавным жестом достал мою анкету из самого низа стопки и пробежался по ней глазами.

– Абсолютный слух – не показатель уровня игры, – вновь не дала мне ответить блондинка.

– Верно, – согласился Граф Дракула, – но что-то мне подсказывает, что если бы этот парень не умел играть и сделал ставку лишь на наличие у него такого редкого дара, то он сообщил бы нам о нём в первую очередь, ещё до заявления музыкальной композиции.

«Браво, Граф Дракула! Вы заслуживаете аплодисментов!»

– Ещё не факт, что этот *дар*, как ты говоришь, у него есть, – скептически заметила Сюзи.

– Но мы просто обязаны это проверить! – ответил ей Вонг.

«Ага. Всем доброе утро!»

– По статистике абсолютным слухом от рождения обладает лишь один человек из десяти тысяч, – проинформировал всех музыкальный критик. – Это действительно большая редкость. А если у этого парня ещё и талант к игре на гитаре... – Он поднял руки ладонями вперёд. – Тут я сдаюсь!

Сюзи фыркнула.

– Давайте поступим вот как, – с энтузиазмом предложил Вонг. – У нас ведь есть гитары. Так почему бы ими не воспользоваться? Калёб, ты должен нам помочь.

Моя анкета, как и руки Калеба, медленно опустились на стол, и лидер FB одарил Вонга тяжёлым недовольным взгля-

дом.

– Сыграй для нас отрывок из соло-партии вашей новой песни. Любой, – продолжал Вонг, бесстрашно глядя Калебу в лицо. – Главное, чтобы никто её не знал и не слышал прежде. А Мики попробует повторить её исключительно по слуху. Таким образом мы проверим и его технику, и достоверность информации, указанной в анкете.

Судьям ещё некоторое время пришлось уговаривать Калеба. Уверена, конкурсанты за дверью уже давно меня проклинают! Но в итоге в руках Мистера-как-же-вы-меня-все-достали оказалась одна из предложенных ему электрогитар, а у меня одна из новеньких моделей Ibanez.

– Чтоб ты знал, – произнёс Калёб негромко, холодно глядя мне в глаза, – как бы ни сыграл, исход будет один. И не в твою пользу.

– Потому что я тебе не нравлюсь?

– Не нравишься? – жестко усмехнулся Калёб. – Ты и не должен мне нравиться. Я уже сказал: твой типаж не подходит группе. На этом всё. Ничего личного.

Калёб ударил по струнам, и в этот же момент мне положенно было отвернуться, но я помедлила. Не знаю почему. Я сама гитарист и тысячи раз видела, как на электрогитарах играют другие люди, но сейчас, стоило этому парню коснуться струн, и мой слух будто обострился, тело напряглось, а по коже невольно побежали мурашки.

Как он это делает?! Словно и не инструмент в руках дер-

жит, а живое существо, нежно поглаживая его по холке, настолько впечатляюще это выглядит. Аж волосы встали дыбом!

И что за ощущения такие странные?..

Возглас Сюзи отрезвил моё сознание, и я тут же отвернулась.

Соло, проигранное Калебом, длилось не более пятнадцати секунд, и не сказала бы, что оно было сложным. И дело не в моём абсолютном слухе, который практически сразу обнаружил во мне дед Мики, дело в аккордах и простоте партии. А-а... ну конечно, зачем ему напрягаться, если для меня и так всё решено?

Не оборачиваясь, без проблем повторила за Калебом. Точь-в-точь, как сыграл он. Это сложно объяснить – чувство в момент, когда запоминаешь ноты. Всё получается будто бы само собой – неконтролируемый процесс. Ты вроде бы и сосредотачиваешься, стараешься не упустить ни одной мелочи, в то время когда эти мелочи сами записываются на корочку мозга, а пальцы следом всё воспроизводят. Это как магия, говорил дедушка Мики. И, пожалуй, я с ним соглашусь, даже несмотря на то, что для меня эта способность едва ли не обыденность. Это как один раз научиться ездить на велосипеде.

– Отлично! – одобряюще воскликнул Вонг. – Думаю, молодой человек, вы только что подтвердили достоверность информации, указанной в анкете. Потрясающе! Калев, не мог

бы ты сыграть что-нибудь более сложное?

И вновь этот тяжёлый, как груда кирпичей, взгляд лидера FB ударил в Вонга. А тот продолжал миленько улыбаться.

Калёб сыграл ещё одно соло. И на этот раз оно оказалось более сложным в исполнении. А ещё... нереально красивым.

Прежде чем повторить, хмуро поглядела на Калёба. Тот сардонически усмехнулся, решив, что подобного мне не воспроизвести. Но дело было не в этом. Мне вдруг захотелось спросить у него, почему в их новом провальном альбоме не было подобной музыки, а одна попса голимая? Из какой песни этот отрывок? Кто это написал? И почему, чёрт возьми, по моей коже до сих пор бегают мурашки?!

Разумеется, ничего такого спрашивать не стала. Моё прослушивание и без того затянулось. Так что просто сделала то, что должна была сделать, – повторила сыгранное Калёбом соло. Один в один – для меня это не проблема. Я тысячи песен таким образом повторила за дедом Мики. Моя техника и слух, не считите за хвастовство, практически идеальны.

Калёб ещё долго не сводил с меня жесткого взгляда.

– Неплохо, – наконец произнёс он и вернулся на своё место за столом.

– Приступаем к голосованию! – воодушевлённо объявил мистер Вонг. – Я безоговорочно ЗА!

Музыкальный критик следом поднял руку. Сразу после него вверх взметнулись руки Джареда и Патрика. И на этом... на этом всё. Сюзи отрицательно качнула головой. А

Граф Дракула заявил, что мои личные качества им не подходят, несмотря на талант. Ин Хо, соответственно, тоже был против смазливового кандидата на роль гитариста. И дело осталось за Калебом.

Сердце в груди застучало так быстро, что на миг перед глазами всё поплыло.

– В случае если голоса разделятся поровну, – сообщил мистер Вонг, – мы будем вынуждены принять окончательное решение в зависимости от того, как проголосовал лидер FB. Так что сейчас голос Калеба решающий.

«Ну же, дай мне шанс! – мысленно подталкивала его я, практически не дыша. – Один шанс! Ведь на прошлом шоу ты славился своей справедливостью по отношению к конкурсантам».

Но мысли мои ему не передались.

– Я уже сказал о своём решении, – сухо произнёс Калеб, без стеснения глядя мне в глаза. – Твой типаж нам не подходит. Я против.

– Против талантливых участников? – недоумевающе уставился на него Вонг. – Калеб, я...

– Я не изменю своего решения. И думаю в интересах группы, так что давайте начистоту: женоподобный гитарист потянет нас ко дну. Это факт. И он не единственный талантливый участник. Ты свободен, парень. Дверь там.

– Ко дну? – цинично усмехнулась я, глядя на Калеба. – Проснись, вы уже там.

Вот так была поставлена жирная точка во всём моём гениальном плане!

Вышла за дверь и отсалютовала самой себе.

Ко второму туру меня не допустили.

Это шоу-бизнес... Кому нужен чёртов талант?

Глава 7

– Я не изменю своего решения. И думаю в интересах группы, так что давайте начистоту: женоподобный гитарист потянет нас ко дну. Это факт. И он не единственный талантливый участник. Ты свободен, парень. Дверь там, – спародировала я Калеба, искривляя его голос самым мерзким образом, вальяжно распластавшись в кресле в гостиной у Эстер дома.

– Заткнись. Я тебе не верю, – в тысячный раз повторяла та, сидя на диване напротив меня и откупоривая уже вторую банку с пивом. – Кaleb не мог стать такой задницей.

– Вонг – вот кто, по моим расчётам, должен был оказаться этой задницей! Но нет же, ей оказался этот твой очаровашка, душка и милашка Кaleb! Чтоб ему ногу судорогой свело и не отпустило! – По большей части я говорила сама с собой. Потому что Эстер наотрез отказалась верить в то, что способно разрушить её идеализированные мечты о самом потрясающем парне на свете!

– Да что с ним не так?! – не успокаивалась я, делая глоток за глотком и прожигая взглядом большую картину на стене с изображением рыдающего клоуна в цветастых лохмотьях. – С каких пор этот придурок оценивает людей по внешности?! Чёрт, Эстер, да я все выпуски с «Рок без границ» смотрела! Там он выглядит человеком! Нормальным таким человеком без единого намёка на сходство с кучей дерьма!

– Вот и я говорю: он не мог так поступить!

– Но поступил! И благодаря ему весь мой план полетел коту под хвост! – Я вскочила на ноги, и в тот же миг входная дверь дома Харперов открылась.

– Какой план? – Мики замер, во все глаза уставившись на меня.

– Ты же сказала, твой брат только вечером вернётся! – яростно зашипела я на Эстер и почти что перекрестилась, с облегчением подумав о том, что на мне больше нет грима.

– Лекса, – Мики захлопнул входную дверь и быстро зашагал ко мне, – какого дьявола? Где твой мобильный?! Я звонил тебе тысячу раз! И тебе! – яростно ткнул он пальцем в Эстер. – Где вас носило последние два дня?! Я уже к тебе домой собирался ехать!

– Дома только Хизер и её нянька. А у меня новый номер, – мрачно отозвалась я. – Предки лишили меня старых сим-карт и хорошенько почистили мобильный. А на данный момент времени я вроде как уже в Пенсильвании, обустроиваюсь в своей новой камере. Возможно, знакомлюсь с соседкой и разглядываю через решётку на окнах лесную глушь и забор с колючей проволокой наверху.

Мики в лице не менялся.

– Что? – Я устало закатила глаза и вернулась к своей банке с пивом. – Жизнь – дерьмо. Не слышал об этом?

Мики опустился на диван рядом со мной, и в нос тут же ударил запах хлора вперемешку с его собственным арома-

том.

Знаю, порой я несправедлива к своему парню. У него от меня нет секретов и никогда не было, а я час назад притворялась им, а сейчас веду себя, как последняя сучка, только потому, что один звёздный индюк сделал это лето ещё более беспросветным.

Тёплая ладонь Мики оказалась на моём лице и плавно развернула голову к себе. В его зелёных глазах больше не было злости или даже просто обиды. Теперь он был обеспокоен.

В следующее мгновение я оказалась в его объятьях, где всегда так хорошо и спокойно, и тёплое дыхание коснулось моей кожи.

– Так. А теперь давай по порядку. Потому что я до чёртиков за тебя беспокоюсь, Лекс, – мягко произнёс он и подфырканье Эстер поцеловал меня.

* * *

Эту ночь я провела в спальне Мики. В его кровати. И вела себя максимально тихо, чтобы родители не прознали о моём присутствии. По официальной версии, и для этих милых людей я должна находиться в штате Пенсильвания. И не то чтобы они по собственному желанию могут меня сдать, нет, но если мой папочка вдруг поинтересуется, то под его напором уже никуда не денутся и выложат всё, как на духу. Так что... мои чемоданы были спрятаны в шкаф Эстер, а я сама –

в спальню её брата.

Разумеется, дальше так продолжаться не может. Так что теперь всю ломаю голову, где бы скромненько провести лето.

Весь вчерашний остаток дня мы с Мики проговорили. Я не стала рассказывать ему о своей безумной выходке с переодеванием и об её исходе. Какой уже смысл? Зато в подробностях расписала все наказания, которые обрушил на мою голову отец, и после трёх выпитых банок пива отключилась в его объятиях.

Мики проснулся раньше меня – работа зовёт. Чистка бассейнов и прочие ремонтные работы начинаются едва ли не с самого рассвета. Взял у сонной меня обещание не делать глупостей и дожидаться его возвращения, позвонил с моего нового номера на свой, поцеловал в макушку и вышел за дверь. Хорошо хоть на ключ не запер. Пришлось бы лезть через окно. Со второго этажа. Так себе перспективка.

А выйти на свет божий я планировала, и как только входная дверь дома захлопнулась за миссис Харпер, поднялась с кровати, приняла душ и под недовольные стоны ещё спящей Эстер принялась рыться в её шкафу в поисках подходящей одежды. Попробуйте только представить, какие шмотки засунула в мои чемоданы мама. О да, именно она их собирала. Так что даже открывать не хочу!

Эластичные шорты, белый топ и джинсовая жилетка с капюшоном вполне подошли. Кеды надела вчерашние, то бишь

свои, а ещё очки у Эстер позаимствовала.

– Ты куда? – прохрипела та, разлепив один глаз. – Мики взял с меня клятву, что я не выпущу тебя из дома. И запасной жизни у меня нет.

– Я быстро, – бросила, не оглядываясь, и, опомнившись, замерла. – Эс, мне нужна наличка. Я не могу пользоваться картами в Лос-Анджелесе.

– Сколько?

– А сколько есть? – бесхитростно улыбнулась я.

До моего любимого музыкального магазинчика «Ноты, струны, два колка» добралась на такси. Не могла себе позволить светить физиономией в общественном транспорте.

Люблю посещать это место. Чувствую себя здесь даже уютней, чем в собственной комнате. Этому магазинчику уже тысяча лет, и сколько себя помню, в нём ничего ни разу не менялось. Длинные стеллажи с множеством старых пластинок. Стены из красного кирпича от пола до потолка заполнены гитарами всевозможных моделей и производителей: от экономкласса до эксклюзива. В конце зала оборудована небольшая площадка для любителей опробовать инструмент не отходя от кассы, а бывает, и просто зайти для того, чтобы поиграть в своё удовольствие – и никто не скажет вам выметаться. Вот и сейчас, стоило переступить порог, до меня тут же донеслась чья-то неспешная игра на электрогитаре. Мелодия казалась красивой и пугающей одновременно, печальной и завораживающей до мозга костей.

– Кто играет? – поинтересовалась я у Бари – лысого владельца магазина, любителя кожаных жилеток и ярких тату.

– Привет, Лекс.

– Ох, чёрт, ты узнал меня! – наигранно испугалась я и сняла с лица очки. – Привет. Так кто играет?

– Нравится, а? – улыбнулся мне Бари, уперевшись локтями в стойку для оплаты товара и поглядывая за мою спину – в конец зала, где *некто* играл на гитаре. Да нет же, не играл – творил!

– Да ты на мои руки посмотри, – продемонстрировала Бари мурашки, бегающие по коже, – вот ничего себе!

– Знаю. Чувак потрясно играет. Только взгляни, сколько народа собралось его послушать. И так уже третий день. Приходит с самым открытием и минут сорок струны перебирает. Ну а мне что? Пусть привлекает посетителей. Парень нереально талантлив. Прямо, как ты, крошка. – Кивнул на мою гитару за спиной. – Так чего припёрлась? С предками опять воюешь?

– Ага. Вроде того. Струны нужны. Полный комплект для моей малышки.

Лицо Бари нахмурилось одновременно с тем, как я расчехлила гитару.

– Ох ты ж чёрт... кто её так?!

– Если б знала, разве стояла бы сейчас перед тобой? – Я положила гитару ему на стойку.

– За убийство срок дают, чтоб ты знала. Давай её сюда.

Сделаю всё в лучшем виде. Подожди минут десять.

– Спасибо.

– Спасибо в карман не положишь, – подмигнул мне Бари. – Качественные струны нынче дорого стоят.

– Ставь лучший комплект. Настраивать не надо.

– Как скажешь, Лекс.

– И не называй меня по имени! Ты меня не видел!

– Как скажешь, Лекс.

И словно магнитом меня потянуло в конец зала. Словно кто-то обвязал вокруг торса невидимый канат и плавно тянет за него, поближе к источнику удивительных звуков.

На полукруглой площадке сидел... м-м... парень? Не уверена, потому что наиболее замаскированного человека себе трудно представить! Чёрная толстовка застёгнута до самого подбородка, да так, что даже рот прикрывает. На голове торчит козырёк от кепки, а сверху ещё и капюшон плотно натянут. На лице – широкие очки с чёрными, как ночь, стёклами. И что самое странное – так это перчатка на правой руке, а в ней медиатор. Замёрз, что ли? Летом? В Лос-Анджелесе? Мамочки, да я, оказывается, не один псих на весь город! Думала, я единственная, кто в сорокаградусную жару носит толстовки и плотно затягивает на голове капюшон.

Подошла ближе, оказавшись у самого подножья площадки, и вновь мною овладело чувство полнейшей отстранённости и абсолютного погружения в звуки, что появляются на свет благодаря таланту этого странного человека. До конца

времен стояла бы так и слушала не отрываясь. Что со мной происходит? С каких пор я такая чувствительная к чужой игре? Прежде подобное происходило лишь единожды: когда Мики написал для меня песню и соло, сыграв её на выступлении в клубе. Вот тогда были такие же ощущения... или почти такие же. Это подобно жидкому золоту, которое блестит, завораживает и манит своей тягучестью – невозможно глаз отвести, как-то видела такое по телику. А потом застывает и становится тяжёлым и непробиваемым, словно на душе появляется груз: неподъёмный, но всё такой же прекрасный. Так же и эта мелодия. Так играет этот чудной парень в чёрной одежде.

Человек закончил композицию и ловким движением руки опустил козырёк ещё ниже на лоб. Именно тогда я очнулась – когда музыка стихла. И отчего-то безумно захотелось закричать: «Ещё! Давай ещё! Не останавливайся! Жги!» Только слов не было, меня словно загипнотизировали.

Парень пробежался медиатором по струнам и вновь остановился. Оглядел пришедших его послушать и вдруг застыл взглядом на моём лице. Ну как застыл... наверное, застыл. Через очки-то не разглядишь! Но вот прямо нутром чувствую, как его взгляд изучающе скользит по моему лицу.

Сглотнула. Как-то не по себе стало. Зыркнула по сторонам: народ начал расходиться. Что ж, и мне пора. И вдруг парень заиграл вновь.

Чёрт... с каких пор я не управляю собственным телом?

Может, в меня демон вселился? Может, я одержима?! Так и слышу его потусторонний голос в голове: «Стой на месте и слушай! А лучше подойти поближе и нагло сорви с лица очки!»

На этот раз человек не смотрел на свои руки. Да чтоб мне провалиться на этом месте, если он смотрит куда-либо ещё, кроме меня! И мурашки... мурашки табунами носятся по коже, а желудок словно разрывают на части сотни крылатых созданий.

Нет, это не музыка... Это магия! Чёртова магия!

Всё. Пошла я отсюда.

Как только я развернулась и зашагала по проходу, мелодия изменилась, стала более резкой и быстрой. Но не менее прекрасной. Что это ещё за наваждение было?

Забрав гитару, я расплатилась с Бари и вылетела из магазина.

– Да, Эстер, – раздражённо ответила на звонок, и словно мертвец заговорил в трубке:

– Где тебя носит? И почему опять на звонки Мики не отвечаешь?

Что? Когда это он мне звонил? А, ну вот же: девять пропущенных. Всего-то?

– Иди домой. Он скоро будет. Заменился на работе. Будем решать, где прятать твоё тело остаток лета. Документ Дылда подделал и отправил твоим по электронке. Правда, сомневаюсь, что он не вызовет подозрений. А ещё я сегодня иду на

свидание с Заки. Так что по пути домой купи мне выпить.

Ответить на речь Эстер я не успела.

– Я перезвоню, – бросила ей и переключилась на вторую линию.

Вот и мама позвонила. Пришлось свернуть в тихий переулок и вкратце высказаться ей парочкой восторженных отзывов о тюрьме моей мечты, а также дать обещание, что отправлю ей фото с первого урока по конному спорту. Теперь придётся лошадь где-то искать. Мама сообщила, что они с отцом возвращаются через две недели и папа лично собирается позвонить директору учебного заведения, чтобы узнать, как обстоят дела. Так что я должна из кожи вон лезть, чтобы показать себя на высшем уровне.

Знала бы она, чем я сейчас занимаюсь и где нахожусь.

Плевать. Даже если они завтра узнают, что ни в какую Пенсильванию я не улетила, домой ни за что не вернусь. Буду скрываться до тех пор, пока мне двадцать один не исполнится, а потом уйду наконец в свободное плавание. Правда, случится это ещё только через девять месяцев – в феврале следующего года.

Утро следующего дня началось с похмелья.

Вчера Эстер пришла в девять часов вечера и заявила, что это было самое ужасное свидание в её жизни и она всей душой меня ненавидит! Мики так и не понял, почему она была вынуждена на него идти. А ещё Эстер сообщила о том, что сегодня её родители уехали в гости и можно устраивать ве-

черинку!

Но вечеринка не удалась. Раскрывать моё нахождение в Лос-Анджелесе было нельзя, а среди проинформированных личностей – только Дылда, а его звать никто не захотел, в частности Эстер, которая теперь у него в должниках. Так что... посидели втроём, поиграли в видеоигры, а после какого-то там по счёту коктейля ничего не помню.

Разбудил меня настойчивый голос Пьера Бувье из динамика моего мобильного:

*«Возьми меня за руку здесь и сейчас,
Зачем думать о том, что будет после?»*

Разлепив один глаз и обнаружив себя не в кровати Мики, а на полу в комнате Эстер на расстеленном одеяле, принялась рыскать по полу рукой в поисках злосчастного телефона.

*«Возьми меня за руку здесь и сейчас!
И найдём это место под солнцем».*

Эстер нашла его первой, телефон в смысле, и раздался её сиплый сонный голос:

– Кого убить в такую рань? Что? Да... Да. Нет, я... – Божьим зрением заметила, как она резко поднялась с пола. – Что? Нет, я его сестра! Да! Да, разумеется! Что вы говорите?! – Дай сюда! – не в силах это слушать, я выхватила у неё из рук телефон, и в трубке раздался до боли знакомый голос. –

Мистер Вонг?

– Да, – не сразу ответил мужчина. – С кем я говорю?

Вот чёрт. Убрала телефон в сторону, прочистила горло и заговорила басом:

– Это Мики. – Зажала динамик ладонью и прошипела, глядя на Эстер: – Где твой брат?

– На работе, где же ещё, – ответила та шёпотом.

– Мики? Очень рад вас слышать! – звучал в трубке голос Вонга. – Времени очень мало, поэтому перейду сразу к сути. Через час вы должны явиться в Victory Records с документами, с гитарой и с наиболее необходимыми для вас вещами. Не тратьте на это время, остальные вещи сможете забрать потом.

– Но... но... я не понимаю...

– Вы прошли во второй тур! Мои поздравления! – вроде бы искреннее объявил Вонг, и у меня будто мозг заклинило. Что за мистика с утра пораньше?

– Я не шучу, Мики. Помните ноутбук на столе между мной и Калёбом во время первого тура?

– А... вроде бы...

– В тот момент с помощью этого ноутбука за всеми конкурсантами наблюдал наш приглашённый тайный судья. Не спрашивайте, кто он, эта информация разглашению не подлежит. Даже FB понятия не имеют, кто этот человек. Его личность будет раскрыта лишь в полуфинале, а пока... пока он будет следить за конкурсантами и делать свои выводы на-

счёт каждого из вас и позднее ещё сыграет свою роль в шоу. Так вот, тайный судья по правилам первого тура имел право вернуть в шоу любого исключённого нами ранее участника. И именно вы, Мики, стали тем счастливымчиком! Тайный судья выбрал вас из нескольких сотен исключённых претендентов!

– Да чтоб меня...

Вонг рассмеялся.

– Общий сбор через час. Опоздавшие будут сразу же исключены. Так что поспешите. Это ваш шанс!

Сбоку звякнули ключи:

– Я поведу, – замогильным голосом сообщила Эстер.

Глава 8

Пикап Эстер с визгом шин вырулил на парковку у здания Victory Records, и я обеими руками вцепилась в дверную ручку:

– Убить нас хочешь?!!

– Приехали. Выгружаемся, – объявила Эстер, заглушив двигатель. – Нет! Стой! Дай бровь поправлю, отклеивается.

«Это и вправду происходит?»

Меня бил мандраж. Хотелось вопить: то ли от потрясения, то ли от счастья! Ведь у нас всё ещё есть шанс прославить «Пончиков». Есть шанс! И всё благодаря какому-то тайному судье, который разглядел во мне нечто большее, чем все эти восемь судей вместе взятые! Кем бы он ни был, дай бог здоровья этому умнейшему человеку!

– Почти готово, – Эстер, которую явно подташнивало после вчерашней мини-вечеринки, выдавила из себя улыбку. – А что, если это... Шейн?! Или Тейт? А?

Я соорудила кислую мину:

– Им что, заняться, по-твоему, больше нечем? Тейт на пятом месяце беременности, и, как пишут в Интернете, они с Шейном сейчас в Германии. На сохранении или что-то вроде того...

– Ты что, их сталкер?

Я смерила Эстер жестким взглядом и хлопнула за собой

дверкой авто.

– Тогда кто это может быть? – Эс семенила следом за мной к главному входу.

– Да кто угодно, – переходя на бег, я всплеснула руками. – Давай, шевели ногами!

– Не могу, меня сейчас вырвет. – Эстер обеими руками держалась за бока и тащилась за мной в полусогнутом состоянии.

– А ты специально пижамные штаны не переодевала? – искренне удивилась я, поправляя на плечах чехол с гитарой и рюкзак с собранными по-быстрому вещами.

– Что?! – Эстер замерла как вкопанная и оглядела свои ноги. – Проклятье! Я дальше не пойду!

– На голове ещё хуже, – усмехнулась я. – Вали домой. Тебя всё равно со мной не пустят. И скажи Мики, что... ну не знаю... скажи, что меня похитили инопланетяне! Я сама ему всё потом объясню. Позже.

Но Эстер меня не слушала. С моей подругой происходило нечто странное, и вряд ли дело во вчерашней пьянке. Её глаза вдруг напомнили парочку шаров для боулинга, челюсть медленно отвисла, а рука с выставленным вперёд указательным пальцем взметнулась в воздух.

– Та... та... та... – начала заикаться она, глядя куда-то мимо моего плеча.

– Эстер! У тебя похмельный припадок или что?! – заорала я на полпарковки и только после этого сообразила обер-

нуться.

Да ладно!

Я точно проклята.

Возле огромного чёрного внедорожника столпились... угадайте кто?

– Там... FB... – вылетели изо рта моей подруги два невнятных слова, а я в это время думала над тем, какого вообще чёрта лысого судьба постоянно сталкивает меня с этими парнями лицом к лицу? Что я кому плохого сделала?! А ещё задумалась над тем, насколько громко пару секунд назад выкрикнула имя своей лучшей подруги.

Нет, не факт, конечно, что эта самовлюблённая задница Калёб и К° помнят ту девчонку, что недавно сбили своим лимузином. И уже тем более вряд ли запомнили имя подруги, для которой она просила у них автограф... И мало ли, сколько в мире бывает Эстер, вот только... не нравится мне этот хмуро-задумчивый взгляд Калеба, которым он смотрит на мою подругу. Лучше бы на меня так смотрел. А, ну вот же, а я переживала.

– Что ты тут делаешь? – осведомился он, сделав несколько шагов вперёд, а я, вместо того чтобы ответить, на всех парах помчалась к Эстер, с силой зажала ей рот ладонью и потащила к пикапу её деревянное тело.

– Это что, тот чудик с первого тура? – донеслись в спину голоса остальных членов группы.

– Похоже на то.

– А паренёк из настойчивых.

– Из настойчивых идиотов.

– Молчи, – шипела я на Эстер, заталкивая её в салон авто. От лица бедняжки вся кровь отлила. Зелёная, как авокадо, а взгляд – точно к ней ангел с небес спустился и выдал справку о том, что после смерти она стопроцентно попадёт в рай. – Не вздумай уезжать, пока не полегчает, поняла?! Когда всё закончится, я позвоню. Боже, Эстер, и захлопни уже челюсть, ради всего святого!

Оставив Эстер, я помчалась к главному входу. Осталось минут пять, не больше.

– Эй, чудик, – окликнул меня Джаред. – Твоя подружка?

– Нет! – ответила на ходу.

– О-о-о... – воодушевлённо протянул Джаред. – А у неё классная пижамка! Я заценил!

Общий сбор проходил в большом светлом зале на втором этаже.

Успела вовремя. Отметилась у ассистентки и присоединилась к толпе ожидающих.

Пятью минутами позже в зале появился мистер Вонг, на этот раз облачённый в насыщенно-синий костюм, расшитый множеством блестящих камней на плечиках. Вслед за ним в зал вплыла Анемона, зазывно виляя бёдрами и одаривая присутствующих белозубой улыбкой на миллион баксов.

– Добро пожаловать на второй отборочный тур шоу «Только играй», господа! – Мистер Вонг занял место на

небольшой платформе у дальней стены, и видеокамеры тут же приступили к съёмкам. Разговоры вмиг прекратились, даже шёпота не было слышно.

– Друзья! – сиял улыбкой Вонг. – Рад сообщить, что из отобранных на первом туре претендентов точно в указанное время явились практически все, что говорит о вашей ответственности и стремлении добиться успеха! Заблудился только один, – Вонг сочувственно вздохнул, – к сожалению, этот участник уже исключён. Итак. Времени у нас не так много, поэтому будет правильнее перейти сразу к сути. Для всех, кто ещё не осведомлён, представлюсь: меня зовут мистер Вонг, и на протяжении всего шоу я буду вашим куратором, помощником и просто добрым другом, я надеюсь. – Вонг отрывисто рассмеялся и продолжил, хлопнув в ладоши: – Шоу «Только играй» было разработано по особой концепции! Наша задача – продемонстрировать миру не только ваш талант, но и личные качества! Наша задача – найти среди вас одного-единственного будущего кумира миллионов, лучшего из лучших, пятого участника для всемирно известных Far-between! И поверьте, мы найдём его: самого достойного, самого талантливого и самого перспективного соло-гитариста!

Тихонько откашлявшись, украдкой посмотрела по сторонам. Парни выглядят такими серьёзными, словно на вручение Оскара пришли – каждый за своей статуэткой.

– Far-between уже прибыли в Victory Records и в предвкушении начала второго тура, уверен, нервничают не меньше,

чем вы. Поэтому спешу объявить, что всех вас, мои дорогие, неспроста собрали в этом зале в такую рань. Ведь второй отборочный начинается прямо сейчас!

И вот тут-то по толпе и побежал шумок. А у меня вдруг колени задрожали, точно по ним током ударило.

– Уже сегодня, – громче заговорил Вонг, осматривая зал воодушевлённым взглядом, – из восьмидесяти четырёх участников в шоу останутся ровно сорок!

Толпа зашумела громче, и мистер Вонг вежливо призвал всех к спокойствию.

– Таковы правила, господа. И если вы здесь, то должны были быть готовы к подобного рода неожиданностям. Именно поэтому вас попросили прибыть с вещами. Потому как уже сегодня вечером половина из вас отправится в шикарный коттедж, а вторая половина – домой. Остальная информация касательно последующих туров и концепции шоу будет объявлена и разъяснена уже завтра. Но прошу не забывать, что начиная с этого зала камеры всегда будут рядом. Ведь «Только играй» – не просто музыкальный отбор, а также своеобразное реалити-шоу, где зрители будут оценивать не только ваши способности и талант к музыке, но и поведение на публике, умение общаться и вести себя в обществе, а это, знаете ли, та ещё работа. Ведь пятый участник несравненных FB должен быть идеален во всём!

После затянувшейся ещё минут на десять вступительной речи без какой-либо конкретики Вонг не забыл упомянуть

тайного судью, который будет следить за нами на протяжении всего шоу, принял от Анемоны большой чёрный шар с небольшим круглым отверстием сверху и с силой потряс его. Внутри что-то загремело.

– Что ж, начнём! – И загадочная улыбка от уха до уха расплзлась на его лице. – В этом шаре находится восемьдесят четыре звезды разных цветов – жёлтого, красного, синего и белого. В зависимости от того, какого цвета вы вытянули звезду, вы должны будете пройти в один из автобусов характерного цвета, ожидающих у здания Victory Records. Все участники будут поделены на команды и отправятся в разные пункты для выполнения заданий. А также каждому из вас автоматом начисляются вступительные двадцать баллов. Прошу заострить на этом внимание, так как от количества набранных баллов будет зависеть ваше попадание в следующий тур. Четыре пункта. Четыре судьи – каждый ответственен за своё испытание. И три вида наград: золотые звёзды, серебряные и бронзовые. Соответственно двадцать баллов, десять баллов и пять. За каждое испытание вы будете награждены судьёй – то есть одним из участников Far-between. И именно они будут решать, какое количество звёзд вам отдать. Но, должен напомнить, это не командная игра! Несмотря на то что в каждый автобус попадёт по двадцать одному участнику, каждое из заданий является индивидуальным. Автобусы будут ездить по кругу – по четырём пунктам в пределах города, и в конечном счете все вы вернётесь в этот зал. Коли-

чество очков будет подсчитано, и составится таблица на сорок строк. Таким образом, уже сегодня участников шоу не только станет наполовину меньше, но и будет выявлен лидер первой недели, то есть участник, набравший максимальное количество очков за все испытания. Да, друзья, денёк предстоит не из лёгких. Если у кого-то возникли вопросы, сможете задать их в автобусе вашему сопровождающему, а теперь прошу ко мне по одному.

Я вытянула звёздочку с белым стикером, кинула вещи на пол, забросила гитару на плечи (инструменты велели взять с собой) и отправилась в автобус белоснежного цвета. Предварительно переодевшись в кабинке мужского туалета в белую футболку с чёрным логотипом шоу. Всем такие выдали. И теперь мы как из инкубатора.

Краем глаза заметила, что пикапа Эстер на парковке уже нет. Оно и к лучшему. Позже напишу ей эсэмэс. А пока... руки настолько трясутся, словно у меня припадок начинается и изо рта вот-вот пена пойдёт. А ещё голова болит после вчерашней «мегавечеринки».

А вот и судьи. Встречают участников в салоне автобуса. Всю дорогу молилась, чтобы в моём оказался кто угодно, лишь бы не Калёб!

Встретил меня Джаред. Сама не заметила, как вздохнула с облегчением. Хотя бы какое-то время никто не будет втапывать меня в землю одним только взглядом.

– Приветик, чудик, – Джаред смачно хлопнул меня по

спине и кивнул на сиденье рядом со своим. – VIP-место. Чего стоишь?

– Эм... я лучше в конце посижу, – пробасила я и потащилась в конец салона. Кроме меня здесь находились ещё двое конкурсантов, в то время когда синий автобус, например, уже был заполнен до отказа и готовился отчаливать.

– Да что ты как девчонка! – Рука Джареда внезапно сжалась на моём запястье, и бас-гитарист FB усадил меня на сиденье рядом со своим, прямо за спинами рослых парней в чёрных костюмах – телохранители, судя по всему. – Видишь, тухло как? – Рука Джареда оказалась у меня на плечах. – Сижу, грущу... Поговорить даже не с кем.

– Тут есть ещё двое, – буркнула я себе под нос, украдкой поглядывая на конкурентов.

– Вижу, – удручённо вздохнул Джаред, наконец убрав от меня руку, – но у них ведь нет сексапильной подружки в миленьких пижамных штанишках, а? – И широкая ангельская улыбка родилась на его устах. – Как звать? Чем занимается? Где обитает? Что любит? Как относится к сексу на первом свидании? Ну, ты ведь понимаешь, о чём я? – Джаред загадочно поиграл бровями. – Расскажи мне про неё всё!

Я презрительно сузила глаза:

– Тебе что, женского внимания не хватает?

– Мне? – Джаред крайне удивился. – Да ты юморист, мужик! У меня этих девчонок в каждом городе по десять штук. И каждая думает, что она единственная. У тебя не так, что

ли? Ой... или ты это...

– У меня по этой части всё в порядке. – Вот что значит мужской разговор – ни капли смущения, одно хвастовство неоправданное. – И моей подруге ты не понравишься. Забудь.

– Как это?

«Как это?»

– Обычно. Не знаешь, как девчонки парней отшивают? – пробасила с ухмылкой, расставляя ноги шире, как это принято у парней.

– Не-а.

– Ну типа: поезд по направлению «пошёл ты» отбывает прямо сейчас. Возьми свой билет, ты уезжаешь. Или: отвали, кобель, породу испортишь.

– О, а ты спец, смотрю? – весело усмехнулся Джаред. – Так часто отшивали? – И загоготал громче. – Вот же чудик!

– Почему это я чудик?

Джаред дёрнул бровями:

– Потому что ты смешной.

– А ты тогда почему Джаред?

– А-а-а... – с улыбкой протянул Джаред, махая указательным пальцем. – Тонкий юмор, да? Так что там насчёт твоей подруги?

Вот скажу сейчас, что Эстер даже симпатичным Джареда не считает, и всё, не видать мне звёздочек от этого судьи.

Я подкупающе улыбнулась:

– Я потом тебе про неё расскажу.

– Скажи хоть имя!

Подумала пару секунд и выдала:

– Эс.

– Эс?.. Вот это другой разговор, мужик. Как насчёт в Mortal Kombat? Играешь? Доставай мобильный.

Боже, и это говорит самый взрослый участник в группе!

Первый пункт, на который прибыл белый автобус, оказался студией звукозаписи – очень современной и дорогой, судя по оборудованию и интерьеру. Нас оставили ожидать в небольшом помещении с мягкими кожаными диванами и множеством дисков и пластинок с автографами, хаотично развешанных на стенах. Сопровождающий, которого приставили к нашей группе, подозвал всех к себе и велел тянуть жребий.

Вытянула номер семнадцать. Везёт мне в последнее время на цифру семь.

Я достала мобильный и написала Эстер, что всё в порядке. Деталей уточнять не стала. И слава богу!

И тут же пришло сообщение от Эстер:

«Что мне сказать твоему парню?! Он грозитя меня на электрический стул посадить!»

Я: «Молчи, как партизан. Позже сама с ним поговорю».

Эстер: «О чём поговоришь?»

Чёрт. Кажется, это Мики.

Мики: «Лекса! Клянусь богом, если не скажешь, что про-

исходит, я постригу Эстер налысо! И мне плевать, как это будет выглядеть! Где ты?!»

Чёрт! Чёрт!

Я: «Мики, я потом тебе всё объясню. Честное слово. Со мной всё в порядке».

Мики: «Ты нашла жильё?!»

Я: «Возможно».

Мики: «И мне ни слова не сказала?!»

Вот же... Хочется утопить мобильный. И себя вслед за ним!

Я: «Позже обо всём поговорим. Я уже большая девочка. Научись мне доверять».

Мики: «То же самое могу сказать тебе».

– Привет. – Ох, твою ж ты налево! Подпрыгнув на месте от неожиданности, я словила мобильный уже на пути к полу.

– Ты Мики? – улыбался мне парень с зелёным ирокезом на голове и с серебристого цвета колечками в каждой из бровей. Кожа с нереальным тёмным загаром, немного раскосые карие глаза, ровный нос, небольшая щетина на волевом подбородке с крохотной ямочкой по центру и полные губы из породы тех, о которых мечтает любая школьница, планируя свой первый поцелуй. Парень был очень даже хорош собой. Вот только друзей я заводить не собиралась.

– Эй, завис? – усмехнулся парень, двинув массивными плечами, и белая футболка тут же натянулась на крепких бицепсах.

– Привет, – выдавила я из себя улыбку. – Я... да, я Мики.

А ты...

– Винсент. Но можешь называть меня просто Винс.

– Очень приятно, Винс.

Винс сам схватил меня за руку и крепко пожал.

Конец моим костяшкам.

– Ты с такими руками как вообще гитару держишь? – улыбнулся Винс.

– А что не так с моими руками?

– Тощие, как у моей девушки.

Я басисто усмехнулась:

– Тогда посмотри на мои мозоли от струн и спроси ещё: как я играю с такими пальцами.

Винс не прекращал улыбаться:

– Кстати, насчёт струн, заменил на новые?

И вот тут я напряглась. Огляделась в поисках чего-нибудь потяжелее...

– Эй-эй, парень! Это не я их повредил! – поспешил заверить Винс, выставив руки ладонями вперёд. – Об этом все знают. В автобусе только о тебе и говорили. Все в курсе, что ты здесь благодаря тайному судье.

Замечательно. Теперь я главный изгой в обществе. Толпа ни за что не примет того, кто успел выделиться раньше всех.

– Знаком с Джаредом? – вполне вежливо поинтересовался Винсент, и я, тяжело вздохнув, упала на спинку дивана.

Здорово. Теперь мне ещё и блат припишут.

– Ты не подумай чего, – Винс вновь завладел моим вниманием, – мне плевать на всё, что они говорят.

– И почему же?

– Ну, – Винс простодушно пожал плечами, – я ни разу не встречал человека с абсолютным слухом.

Я нахмурилась:

– А это ты откуда знаешь?

Винс тяжело вздохнул и отвёл понурый взгляд в сторону:

– Скажем, потому что я старший брат того чувака, с которым ты сидел рядом в автобусе. И ты не единственный, кого сейчас активно обсуждают.

– Ты брат Джареда?!

– Сводный. Только по отцовской линии. И чтоб ты знал, наши семьи не особо ладят.

– Ясно. Так мы с тобой вроде как в одной упряжке.

– Номер семнадцать, твоя очередь, – объявил сопровождающий группы, и я отправилась на своё первое испытание.

Глава 9

Испытание Джареда оказалось для меня сюрпризом.

Нет, сперва всё было отлично! Задание заключалось в том, чтобы сыграть по нотам, бегущей строкой скользящим по электронному табло, и не ошибиться.

Когда заполняла анкету, в ней был этот пункт: «Умеете ли вы играть по нотам?» Я честно ответила, что умею. В этом нет ничего сложного. То же самое, что играть по аккордам, только каждый звук воспроизводя отдельно – не аккомпанементом и на определённой частоте колебаний. Однако, как заверил Джаред, некоторые конкурсанты заполнили анкету не совсем честно, что и было выявлено впоследствии. Так что я даже обрадовалась такому легкому, на мой взгляд, заданию.

До тех пор пока кругленькая платформа подо мной не начала вращаться, так что приходилось выгибать шею и крутить головой до хруста позвонков, чтобы не пропустить ни одной ноты, мелькающей на экране.

А что потом началось!

В лицо ударил тёплый воздух, да таким напором, что в голове автоматом поставилась галочка: «*Равновесие не мой конёк*». Следом за ветром перепонки сотрясли женские визги, вылетающие из четырёх колонок, установленных по углам тесного, обшитого красными звукоизоляционными па-

нелями помещения. Свист, крики и дружное скандирование «Far-between!» звучали настолько громко, что я собственной игры не слышала! А ещё это всё было настолько неожиданно, что готова поставить пятьдесят баксов – Джаред сейчас ухажатывается только от одного моего выражения лица.

С людьми нельзя так поступать! Это бесчеловечно! У меня чуть инфаркт не случился, когда в глаза ещё и прожектор ударил, а платформа под ногами начала вибрировать!

Симуляция игры на сцене в экстремальных условиях – вот что это было.

– Наш новый гитарист должен быть готов ко всему, – с потрясающе серьёзным видом сообщил Джаред, когда я по окончании испытания, как слизняка, сползла по стене и уставилась на него взглядом: «А что это вообще только что было?»

– Мы часто играем на открытых площадках: под палящим солнцем, под сильным ветром и даже под дождём. Крики фанатов – само собой разумеющееся; как и прожектора.

– А вибрирующая сцена? Тоже в порядке вещей? – безжизненно изрек я.

– Нет, но, – Джаред коварно улыбнулся, – я решил, что так будет прикольной.

Я допустила две ошибки во время игры. И это, надо сказать, отличный результат, в таких-то условиях!

– Чудик, да ты просто нечто! – довольно посмеивался Джаред, вручая мне четыре золотые звезды из пяти макси-

мально возможных и одну серебряную. А это значит, в моей казне уже сто десять очков вместе с той звездой, что лежит в кармане!

Второй пункт, на котором остановился белый автобус, являлся публичной библиотекой LAPL, расположенной между улицами Гранд-авеню и Флаур-стрит. Потрясающе красивое здание, выполненное в оригинальном сочетании средиземноморской и египетской архитектуры. Оно является главной библиотекой города и хранит в своих стенах редчайшие экземпляры старинных книг. Судьёй здесь был назначен клавишник FB, то есть Ин Хо.

Не очень-то я симпатизирую этому парнишке, который со стопроцентной уверенностью считает мою ориентацию нетрадиционной. И, судя по выражению лица моего нового «друга» Винса, рядом с которым я теперь сидела в автобусе, тот разделял мои чувства. Оказывается, на первом туре Ин Хо и его засадил, проголосовав против. Как и его сводный брат Джаред, в общем-то.

Догадаться было не сложно, что нас ждёт на этом пункте, однако когда сопровождающий объявил о викторине, вдруг обнаружила, что старая привычка грызть ногти внезапно вернулась.

Что сказать... особым умом я не выделяюсь. А если уж совсем откровенно – даже историю США в школе как полагается не выучила.

Потрясла кожаным мешочком с шестью звёздочками и

сделала вывод, что в этот раз их количество вряд ли увеличится.

Сидя за столом напротив Ин Хо в одном из просторных залов библиотеки, чувствовала себя точно в зале суда, где обвинительная сторона только что вынесла приговор моей тупости.

Пардон, конечно, но как вообще можно быстро ответить на вопрос вроде: «Сколько полей-квадратиков на шахматной доске?» Я-то посчитала и с гордостью сообщила, что их там шестьдесят четыре, вот только Ин Хо с высокомерием самого Канье Уэста в азиатской версии известил, что время для ответа уже вышло. Хоть ответ и правильный.

И таких вот двадцать вопросов – проверка на ум и сообразительность будущего соло-гитариста FB.

Кое-что могу повторить.

«Сколько ног у улитки?»

Что, вы не знали, что одна? Я вот не знала.

Или: «У Америки есть два друга, лучше которых нет и не было ни у одной другой нации. Что это за друзья?»

Ответ: Тихий и Атлантический океаны.

Нет, я догадывалась, конечно... Такой ведь простой вопрос, а главное, вовсе без подвоха!

– Вопрос номер восемнадцать, – с важным видом продолжал Ин Хо. – Какое животное древние египтяне учили прислуживать себе за столом?

– Бабуина, – ответила глупой шутки ради, и не поверите:

попала в точку!

Но кое-что всё же знала.

– С латинского языка название этого инструмента переводится как «дуновение»?

– Флейта, – не медля ответила я, и губы Ин Хо недобро поджались. С трудом удержалась, чтобы не состроить рожицу.

– Где впервые появился аккордеон?

О, спасибо дедушке Мики, что заставил меня выучить историю практически каждого музыкального инструмента!

– В Праге, – немного поразмыслив, ответила я, и губы Ин Хо поджались с новой силой.

– В каком году? – сухо поинтересовался он.

– А разве это уже не двадцать первый вопрос?

– Отвечай.

Я пожала плечами и, так как точного ответа не знала, предположила:

– В тысяча восемьсот двадцать шестом.

– Неверно, – натянуто улыбнулся Ин Хо. – В тысяча восемьсот двадцать восьмом.

– Да кому какое дело?

– Две бронзовые звезды. За два правильных ответа. – И он протянул мне две никчёмных звёздочки, равные десяти баллам.

– А почему не две золотые? – пряча злобу, поинтересовалась я.

– Будешь спорить с судьёй, забери и эти.

Шумно отодвинув стул, поднялась на ноги. Камеры в этот момент прекратили съёмки.

– Можно спросить? – Сузив глаза, я смерила Ин Хо придирчивым взглядом. – Для моей викторины вопросы подбирались индивидуально?

– Нет. Вопросы разные у всех. Но для тебя я очень старался.

Наверняка как и для Винса. Тому досталась одна серебряная звезда. Но судя по кислым минам большинства – мы были не единственными «провалившимися».

Подъезжая к пункту Патрика, салон автобуса тут же наполнился одобрительным свистом. Моё фырканье было единственным.

– Ну и с какой радости нас притащили в модельное агентство?!

А вот с такой.

Стоило дождаться своей очереди и войти в зал, где проводилось испытание, думаю, я стала единственным конкурсантом, у которого в этот момент изо рта не вывалился язык. Прямо передо мной находились десять девушек-моделей, каждая на свой лад хороша: от пампушек до тощих рыбин, от разукрашенных, будто для съёмки в экстравагантный глянце-вый журнал, до девушек а-ля «А я вот только проснулась».

Патрик сиял, как лампочки на рождественской ёлке, и тут я опомнилась, что должна выглядеть примерно так же. Об-

лизала губы и восторженно-недоумевающим взглядом оглядела каждую из присутствующих.

Девушки вели себя, как зачарованные. Никто не улыбался, никто не разговаривал. Никто даже не двигался! Точно их зомбировали самым жестоким образом.

Суть задания оказалась проста: произвести на представительниц прекрасного пола хорошее впечатление. Всё зависит от умения правильно вести себя с женщинами и способностей быстрого пикапа, назовём это так. Точнее, так выразился Патрик, пока камеры ещё не снимали.

– Давай, чудик. Я за тебя! – подмигнул он мне и занял место за спинами девушек, с важным видом сложив руки на груди.

С ухмылкой взглянула на Патрика. Ну и кто в этом испытании будет победителем?

Кто как не девушка лучше всех знает о том, что хочет услышать девушка? Так же как и: кто как не девушка быстрее всех сможет разглядеть девушку в обличье парня? Так что, как говорится, краткость – сестра таланта.

– Привет, – улыбнулась я первой модели. – Я Мики. А ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.